В
728

Богдану Александровичу Кистяковскому отъ автора

ПРОВ. 19
„Пров.

Номинализмъ и реализмъ въ общественныхъ наукахъ[1].

I.

Тема настоящаго этюда заимствована у средневѣковыхъ схоластиковъ. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что она имѣетъ только схоластическое значеніе и касается только среднихъ вѣковъ. Это одна изъ вѣчныхъ темъ философской и научной мысли. Подъ средними вѣками можно вѣдь разумѣть не только давно прошедшую историческую эпоху, но также и извѣстную систему. Эта система слагалась какъ изъ опредѣленныхъ юридическихъ, политическихъ, экономическихъ, вообще соціальныхъ отношеній, такъ и изъ опредѣленныхъ теченій духовной культуры. Эта, или, вѣрнѣе, приблизительно такая же, система переживалась человѣчествомъ неоднократно. И не напрасно историки, широко пользующіеся сравнительною методою, въ послѣднее время все чаще и чаще стали говорить о средневѣковьи въ древней Греціи, Египтѣ и другихъ странахъ. Подобнымъ же образомъ и схоластика — это не только эпоха въ исторіи идей; это еще особая система идей. Эта система интересна не только потому, что она болѣе или менѣе частично возрождалась и въ позднѣйшія эпохи, но также и потому, что она, какъ и многое иное въ философіи, содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ элементовъ длительнаго, быть можетъ, даже вѣчнаго значенія. Тѣ споры, которые велись въ какомъ-нибудь XIII столѣтіи, нерѣдко продолжаются еще и въ наши дни. Такъ, напримѣръ, поднятый въ XIX вѣкѣ споръ между интеллектуализмомъ и волюнтаризмомъ въ гносеологіи и метафизикѣ, дебатировался уже доминиканцами и францисканцами, томистами и скотистами. Съ этой же точки зрѣнія заслуживаетъ большого вниманія споръ между номиналистами и реалистами. Это не только споръ о всевозможныхъ эссенціяхъ и эксистенціяхъ, объ универсаліяхъ ante res и post res,

[1]) Докладъ, прочитанный въ Кіевскомъ научно-философскомъ обществѣ 22 января 1915 г.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ. 1766
1766
26

который вели субтильные и тонкіе доктора средневѣковья, принимавшіе, по выраженію Лейбница, солому терминовъ за зерно вещей. Это споръ между двумя научными и моральными міровоззрѣніями, который, въ сущности, всегда происходилъ, происходитъ и будетъ происходить.

Сущность спора въ томъ видѣ, въ какомъ его вели схоластики, извѣстна. Въ нѣсколько примитивной и наивной формѣ проблема была сформулирована уже въ третьемъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Порфиріемъ: существуютъ ли, спрашивалъ онъ, роды и виды въ дѣйствительности или же только въ нашемъ мышленіи? если они существуютъ въ дѣйствительности, то обладаютъ ли они тѣлеснымъ бытіемъ отдѣльно отъ чувственныхъ вещей или нѣтъ? Сообразно съ этимъ схоластики спрашивали, являются ли, какъ утверждали номиналисты, общія понятія не болѣе какъ логическимъ обобщеніемъ, суммированіемъ одинаковыхъ признаковъ у соотвѣтственныхъ конкретныхъ предметовъ, словеснымъ обозначеніемъ группы тожественныхъ или сходныхъ объектовъ? или же, какъ утверждали реалисты, общія понятія обладаютъ самостоятельнымъ метафизическимъ бытіемъ, отличнымъ отъ бытія соотвѣтственныхъ конкретныхъ предметовъ? Въ связи съ этимъ находился и другой вопросъ, вытекавшій изъ типичнаго для схоластики ученія о тайно или явно образующей, формирующей силѣ всякаго рода метафизическихъ сущностей или «эссенцій»: каково участіе идеи предмета въ возникновеніи и существованіи конкретнаго предмета? Является ли здѣсь идея источникомъ, какъ учили реалисты, или же только результатомъ, какъ учили номиналисты? Иными словами, познается ли предметъ при посредствѣ идеи этого предмета или, напротивъ, познается ли идея предмета изъ фактическаго существованія этого предмета? Словомъ, реалисты исповѣдовали гносеологическій и метафизическій приматъ, принципіальное и онтологическое превосходство общаго и идеальнаго передъ частнымъ и эмпирическимъ. А номиналисты склонялись къ признанію единственною реальностью міра фактовъ и эмпиріи. Какъ объяснялъ въ началѣ XVII столѣтія Гокленіусъ: Nominales sunt Philosophi, qui Scientias non de rebus Universalibus, sed de Rerum Communibus vocabulis haberi existimant... His opponuntur Reales, qui contendunt Universalia non tantum esse nomina communia, sed praecipue Res Naturasque communes[1]).

Какъ извѣстно, въ средніе вѣка номинализмъ считался, въ общемъ, парадоксомъ и даже ересью, а за реализмъ высказались

[1]) «Lexicon philosophicum» Rodolphi Goclenii, Francofurti, 1613, стр. 757.

самые блестящіе и авторитетные представители схоластики. И это не должно показаться страннымъ, если имѣть въ виду, что наши нынѣшнія представленія о томъ, что объективно и реально, діаметрально противоположны типичному для среднихъ вѣковъ пониманію вещей. Мы по большей части считаемъ или готовыми объектами или матеріаломъ для установленія научной и фактической объективности предметы или явленія внѣшняго міра, данныя намъ въ опытѣ. Субъективными же мы считаемъ тѣ мысли, тѣ идеи, которыя привносятся въ этотъ опытъ нашимъ сознаніемъ. Схоластики же, какъ извѣстно, совсѣмъ наоборотъ, считали и называли объективнымъ то, что находится въ нашемъ умѣ. Все же данное ему извнѣ они называли субъектомъ, т.-е. буквально подлежащимъ, чѣмъ-то даннымъ или заданнымъ нашей мысли для дальнѣйшей и настоящей объективаціи. Сообразно съ этимъ, если мы теперь исповѣдуемъ реализмъ фактовъ, эмпиріи, то схоластики исповѣдовали реализмъ абстрактныхъ понятій и идей. И проблема дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, настоящей, научной дѣйствительности главнымъ образомъ, если не исключительно занимала ихъ примѣнительно къ такому именно реализму[1]). Далѣе схоластики еще не раздѣляли взглядовъ современнаго намъ языковѣдѣнія на соотношеніе между словами и вещами. Это соотношеніе понимается теперь строго номиналистически. Слово разсматривается только какъ flatus vocis, какъ фонетическій условный знакъ, пригодность котораго для обозначенія предметовъ даже повышается, когда совершенно забывается его этимологія; тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о какой бы то ни было онтологіи словъ. Въ средніе же вѣка вѣрили, что каждому слову непремѣнно соотвѣтствуетъ aliquid rei, и что словами можно даже вызывать предметы — какъ заклинаніями духовъ.

Если вдуматься въ споръ между номиналистами и реалистами и если отдѣлить въ немъ существо дѣла отъ специфически схоластическихъ деталей (вродѣ пріуроченія универсалій ante res непремѣнно къ Божественному разуму или сведенія спора по преимуществу къ вопросамъ логики и терминологіи), то окажется, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ двумя типами научной и даже обиходной мысли, встрѣчающимися во всѣхъ сферахъ знанія и поведенія. При видѣ группы деревьевъ номиналистъ говоритъ: вотъ деревья; реалистъ же говоритъ: вотъ лѣсъ, или роща. Въ эмпирическомъ священникѣ, судьѣ, студентѣ реалистъ видитъ или по крайней мѣрѣ желаетъ видѣть прежде всего идеальнаго, ноуменальнаго

[1]) Въ настоящей статьѣ терминъ «реализмъ» всюду понимается именно въ такомъ смыслѣ.

священника, судью, студента, идею, архетипъ всѣхъ этихъ и подобныхъ званій; и когда онъ сталкивается только съ даннымъ эмпирическимъ человѣкомъ того или иного званія, имѣющимъ свои достоинства, но также и недостатки, вообще свои индивидуальныя особенности, и никогда не встрѣчается съ олицетворенною и воплощенною идеею, онъ изумляется и по большей части разочаровывается: «мы думали, что паша — это паша; а оказывается, что это — человѣкъ», говоритъ одна турецкая пословица. Номиналистъ же въ подобныхъ случаяхъ не очаровывается идеалистическою презумпціею «неистребимаго характера» (character indelebilis, какъ выражались схоластическіе богословы). И посему онъ лучше разбирается въ людяхъ и меньше страдаетъ отъ потерянныхъ иллюзій. Реалистъ вѣритъ въ реальность и дѣйствительность добра; и посему онъ ставитъ этику жизни выше ея техники. Для номиналиста же нѣтъ объективной нормативной морали; и посему цѣлесообразность поступковъ для него важнѣе ихъ нравственности.

Къ такимъ различіямъ житейской мысли присоединяются и болѣе тонкія различія мысли научной. Номиналистъ дискурсивенъ, реалистъ интуитивенъ. Номиналистъ видитъ въ единствѣ множество, реалистъ — во множествѣ единство. Номиналистъ повторяетъ вслѣдъ за Роджеромъ Бэкономъ singulare est melius, quam universale и мыслитъ идіографически. Реалистъ мыслитъ идеократически. Для номиналиста идея — результатъ явленій, для реалиста — ихъ источникъ. Для номиналиста видъ — это не болѣе какъ сумма индивидовъ, для реалиста индивидъ — это порожденіе вида. Для номиналиста общая идея — это nomen, для реалиста — это *νοούμενον*. Номиналистъ вполнѣ довольствуется феноменальнымъ бытіемъ, реалистъ ищетъ бытіе трансцендентальное и даже трансцендентное. Номиналистъ смотритъ на явленія. Реалистъ разсуждаетъ о вещахъ въ себѣ. Номиналистъ довольствуется эмпирическими характерами, реалистъ старается открыть характеры умопостигаемые. Номиналистъ убѣжденъ, что все течетъ и ничто не пребываетъ. Реалистъ sucht den ruhenden Pol in der Erscheinungen Flucht. Понять предметъ для номиналиста это значитъ описать его какъ фактъ, какъ явленіе. Для реалиста это значитъ раскрыть его идею. Номиналистъ доказываетъ дѣйствительность чего бы то ни было наблюденіемъ и опытомъ, реалистъ — онтологическимъ доказательствомъ или трансцендентальною дедукціею. Номиналистъ не признаетъ ничего, кромѣ эмпирической дѣйствительности. Для реалиста настоящая дѣйствительность начинается только за предѣлами эмпиріи. Номиналисты видятъ въ реалистахъ какихъ-то Пигмаліоновъ, которые одушевляютъ и даже обоготворяютъ свои же собственныя созданія

fingunt simul creduntque. Реалисты обвиняютъ номиналистовъ въ идолопоклонствѣ передъ фактами, которые имъ, реалистамъ, сами по себѣ, какъ таковые, представляются чѣмъ-то совершенно неубѣдительнымъ и даже безсмысленнымъ.

Очевидно, со споромъ между номинализмомъ и реализмомъ сплетается цѣлый рядъ другихъ, но по существу родственныхъ научныхъ и философскихъ проблемъ. И подобно тому какъ Лаасъ находилъ возможнымъ сводить всѣ противорѣчія въ мысли и жизни къ платонизму и антиплатонизму[1]), можно свести если не всѣ, то многія изъ нихъ къ широко понятой противоположности номинализма и реализма. Такъ, напримѣръ, если обратиться къ понятію науки, то для номиналиста оно представляетъ не болѣе какъ словесное обозначеніе суммы различныхъ ученыхъ школъ или даже просто индивидовъ, высказывающихъ по различнымъ вопросамъ различныя мнѣнія, которыя иногда сходятся другъ съ другомъ, иногда же и расходятся. Для реалиста же несомнѣнно, что дѣйствительно существуетъ наука, какъ таковая, самодовлѣющая наука, вопросъ о которой впервые поставили ребромъ софисты. Реалистъ вѣритъ въ науку, въ то, что она движется впередъ, прогрессируетъ. И на отдѣльнаго ученаго онъ смотритъ какъ на представителя этой самосущей, субстанціальной науки, какъ на ея выразителя и носителя. Подобнымъ же образомъ и истина для реалиста дѣйствительно существуетъ. И онъ повторяетъ вмѣстѣ съ Гербертомъ Чербери: Est Veritas, Veritas est[2]). А номиналистъ повторяетъ вмѣстѣ съ Пигасовымъ изъ Тургеневскаго «Рудина»: «слово-то есть, да самой вещи нѣтъ».

Когда, напримѣръ, Кантъ призналъ всеобщими такіе элементы познанія, которые реальны не апріорною реальностью ante res и не индуктивною реальностью post res, а трансцендентальною реальностью in rebus, онъ въ извѣстной степени тоже рѣшалъ споръ между номиналистами и реалистами; и онъ рѣшалъ его въ духѣ примирительнаго концептуализма. Когда Гердеръ усмотрѣлъ во всей Кантовой философіи не болѣе какъ «пустыя слова изъ буквъ»[3]) или «образчикъ искусной фантазіи изъ буквъ»[4]) и отвергалъ гносеологію трансцендентальной философіи во имя гносеологіи словъ и рѣчи, онъ, очевидно, становился на точку

---

[1]) «Идеализмъ и позитивизмъ», стр. 7 русскаго перевода первой части.

[2]) De veritate, prout distinguitur a revelatione, a verisimili, a possibili et a falso. Editio tertia, 1656, стр. 9 и 260.

[3]) «Kalligone», VI («Werke, zur Philosophie und Geschichte», Carlsruhe, 1820, XV).

[4]) Verstand und Erfahrung, Vernunft und Sprache. Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft, XVIII («Werke, zur Philosophie und Geschichte», XIV).

зрѣнія крайняго номинализма. Когда Гегель возсоединилъ Кантовы феномены и ноумены для того, чтобы всецѣло растворить первые въ послѣднихъ, и когда онъ свелъ весь эмпирическій міръ къ феноменологіи духа, къ объективаціи идеи, или когда онъ давалъ свое ноуменальное опредѣленіе всеобщаго въ вещахъ[1]), онъ, очевидно, возродилъ съ силою и славою философскій реализмъ. И даже, какъ замѣтилъ одинъ изслѣдователь номинализма и реализма, именно у него реализмъ достигъ своего апогея[2]). Чуть ли не всѣ проблемы эстетики сводятся къ спору между номинализмомъ и реализмомъ красоты. Номиналисты не признаютъ красоты самой по себѣ, какъ чистой Платоновой идеи, которой болѣе или менѣе причастны отдѣльныя явленія природы или произведенія искусства, которыя потому именно и именуются красивыми. Имъ просто кажется, что извѣстныя явленія и произведенія вызываютъ у людей болѣе или менѣе сходныя эмоціи, которыя можно объединить подъ общимъ собирательнымъ названіемъ красоты. Сообразно съ этимъ ихъ теорія искусства индуктивна и тяготѣетъ къ сліянію эстетики съ психологіею или соціологіею искусства. Для реалистовъ, напротивъ, красота, какъ таковая, сама по себѣ, есть основной принципъ и источникъ всѣхъ эстетическихъ сужденій. Сообразно съ этимъ ихъ теорія искусства дедуктивна и притязаетъ на значеніе каноники художественнаго творчества и воспріятія.

Подобнымъ же образомъ почти всѣ проблемы этики связаны съ номинализмомъ или реализмомъ добра и зла. Моралистъ реалистическаго типа смотритъ на добро какъ на нѣчто дѣйствительно реальное, объективное ante res; и всѣ человѣческіе поступки квалифицируются имъ какъ добрые или злые въ зависимости отъ того, причастны ли они этой реальности или нѣтъ. Между тѣмъ моралистъ номиналистическаго типа неизбѣжно становится на точку зрѣнія эмпирической, эволюціонной морали, которая не нисходитъ казуистически отъ нормы къ поведенію, а, напротивъ, восходитъ казуально отъ поведенія къ нормѣ, понимаемой не какъ общеобязательное, универсальное правило человѣческаго поведенія, а просто какъ обобщеніе обычнаго поведенія тѣхъ или иныхъ людей въ ту или иную эпоху или въ томъ или иномъ мѣстѣ. Сообразно съ этимъ для вполнѣ послѣдовательнаго этическаго номиналиста нѣтъ и не можетъ быть никакихъ моральныхъ императивовъ. Если же онъ все-таки признаетъ ихъ необходимость,

[1]) Das Allgemeine der Dinge ist nicht ein Subjectives, das uns zukäme, sondern vielmehr als ein dem transitorischen Phänomen entgegengesetztes Noumen das Wahre, Objective, Wirkliche der Dinge selbst.

[2]) Nominalismus und Realismus in der neuesten deutschen Philosophie, von Hugo Spitzer, Leipzig, 1876, стр. 32.

то ему трудно обосновать эту свою непослѣдовательность. И ему только и остается, что меланхолически повторять слова Просперо изъ философской драмы Ренана L'eau de jouvence: il faut toujours prendre le parti le plus vertueux, sans être sûr que la vertu soit autre chose qu'un mot[1]).

И въ психологіи идетъ борьба между номинализмомъ и реализмомъ. Для номиналиста возможна и необходима только та психологія безъ души[2]), о которой училъ еще Вивесъ: anima quid sit, nihil interest nostra scire: qualis autem, et quae eius opera, permultum[3]). Для номиналиста душа — это не болѣе какъ flatus vocis, vox et praeterea nihil, звуковое обозначеніе для суммы болѣе или менѣе однородныхъ явленій, начиная отъ элементарныхъ ощущеній и кончая высшими сознательными актами. И всякія попытки пріурочивать эту сумму явленій къ душѣ, какъ особой субстанціи или ипостаси, рѣшительно осуждаются какъ ненаучная метафизика. Реалисты, напротивъ, разсуждаютъ какъ Лотце, который рѣшительно отказывался понимать душу только какъ результатъ многихъ слагаемыхъ. Для нихъ душа — это несомнѣнно существующая первичная субстанція, ens realissimum въ психической жизни. Всѣ явленія этой жизни, по ихъ убѣжденію, потому именно и только потому называются и могутъ называться душевными явленіями, что они представляютъ частныя проявленія психической универсаліи, акциденціи этой субстанціи. И посему, утверждаютъ они, безъ признанія реальности души нѣтъ душевныхъ явленій, нѣтъ и не можетъ быть психологіи какъ особой науки. Реалисты гипостазируютъ не только душу, но еще и отдѣльныя душевныя способности — вродѣ мышленія, чувства и воли, къ которымъ, подобно частямъ души у Платона, ими нерѣдко пріурочиваются спеціальныя добродѣтели — истина, красота, добро. Такіе же типичные номиналисты въ психологіи, какъ Гербартъ, совершенно отрицаютъ какія бы то ни было душевныя способности, такъ какъ видятъ въ нихъ не болѣе какъ олицетвореніе родовыхъ обозначеній душевныхъ явленій.

Если обратиться къ біологіи, то, напримѣръ, понятіе жизни и здѣсь вызываетъ споръ между номиналистами и реалистами. Реалисты смотрятъ на жизнь какъ на особую производящую силу, вызывающую жизненные процессы у извѣстныхъ существъ; и

---

[1]) «Drames philosophiques», Paris, 1888, стр. 178.

[2]) «Психологія, какъ мы ее понимаемъ, есть психологія безъ души», пишетъ, напримѣръ, Гефдингъ (Очерки психологіи, основанной на опытѣ, стр. 16 русскаго перевода 1892 г.)

[3]) Ioanni Ludovici Vivis Valentini De anima et vita libri tres, Lugduni, 1555, стр. 40.

сообразно съ этимъ они тяготѣютъ къ витализму. Одинъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ виталистовъ Аутенритъ полагалъ даже, что субстанція жизни можетъ отдѣляться отъ матеріи такъ же, какъ субстанція души отъ тѣла. Для номиналистовъ же жизнь — это просто общее названіе для ряда сходныхъ явленій, лишенное какой бы то ни было самодовлѣющей онтологіи; и посему они рѣшительно отвергаютъ витализмъ.

Физическія и химическія теоріи тоже не чужды вопроса объ универсаліяхъ. Таковы были не только «философскія» эссенціи алхимиковъ, вродѣ универсальнаго философскаго камня, философской сѣры и ртути. Таковъ былъ флогистонъ или теплородъ. Ломоносову пришлось спеціально опровергать реалистическое пониманіе «теплоты» какъ въ физикѣ, такъ и въ богословіи: возражая тѣмъ, которые «вмѣняютъ теплоту за примѣшанную матерію», онъ считалъ не только гигіеническимъ, но и вполнѣ каноническимъ крестить дѣтей въ теплой водѣ[1]). Еще и въ настоящее время понятіе энергіи нерѣдко разумѣется реалистически какъ универсалія ante res. Между прочимъ французскій филологъ Бреаль обращаетъ вниманіе на то, что еще и до настоящаго времени ученые относятъ такія отвлеченныя понятія, какъ матерію, силу, субстанцію, къ женскому роду, т.-е. безсознательно продолжаютъ традицію еще первобытнаго, досхоластическаго реализма, населявшаго землю, небо и воду производящими сверхъестественными, божественными силами женскаго рода[2]).

II.

Если обратиться теперь къ общественнымъ вопросамъ, то можетъ показаться, что при всей своей универсальности споръ номиналистовъ и реалистовъ все-таки очень далекъ отъ этихъ вопросовъ, несомнѣнно реальныхъ и не номинальныхъ, но, повидимому, совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Однако, если вдуматься въ эти вопросы, то окажется, что они весьма даже причастны этому спору. Въ самомъ дѣлѣ, что такое реализмъ? Это, какъ мы видѣли, ученіе о томъ, что universalia sunt realia. Иными словами, понятіе общаго не есть только ариѳметическая сумма, логическая абстракція, какъ учатъ номиналисты, а представляетъ особую реальность, отличную отъ бытія единичныхъ предметовъ. И вотъ, если вдуматься хотя бы въ такой капитальный вопросъ, какъ отношеніе между личностью

---

[1]) См. Б. Н. Меншуткинъ, Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, 1911, стр. 51 и 140.

[2]) Michel Bréal, Essai de sémantique (science des significations), Paris, 1897, стр. 275.

и обществомъ, то мы легко увидимъ, что здѣсь и возможны и дѣйствительно существуютъ два рѣшенія. И одно изъ нихъ нельзя не назвать номиналистическимъ, а другое реалистическимъ. Съ точки зрѣнія номинализма въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, universalia sunt realia post rem или post multiplicitatem. И, значитъ, общество не является самодовлѣющею, независимою ипостасью. Оно представляетъ не болѣе какъ ариѳметическую сумму, собирательное понятіе, логическое отвлеченіе того, что является общимъ у входящихъ въ его составъ индивидовъ. Общество есть сумма, изъ которой индивиды вычитаются безъ всякаго остатка. Сообразно съ этимъ вполнѣ естественно и даже неизбѣжно получается ариѳметическое, суммирующее, атомистическое рѣшеніе проблемы отношенія между индивидомъ и обществомъ. Нѣтъ противоположности, нѣтъ качественнаго различія между общественною и личною волею, между общественнымъ и личнымъ счастьемъ, между общественнымъ и личнымъ интересомъ. Есть только количественное отличіе. И, значитъ, всѣ соціальные вопросы рѣшаются путемъ сложенія и умноженія вопросовъ индивидуальныхъ. Чтобы получить общую волю, достаточно сложить воли индивидовъ, взятыхъ въ отдѣльности. Или, если считать индивидовъ равными, подобными и даже тожественными другъ другу, то достаточно взять любого человѣка и помножить его волю на сотни, тысячи или милліоны— и мы получимъ всеобщую волю, или равную волѣ всѣхъ, или по крайней мѣрѣ равную волѣ большинства. Такъ именно, т.-е. строго номиналистически, и разсуждалъ, какъ извѣстно, Руссо въ Contrat social. Чтобы съ номиналистической точки зрѣнія рѣшить проблему общественнаго благополучія или счастья, вполнѣ достаточно помножить счастье единичнаго человѣка на возможно большее число. И мы получимъ наибольшее счастье наибольшаго количества людей какъ равное и даже тожественное со счастьемъ общества. Такова, какъ извѣстно, формула Бентама, широко пользовавшагося политическою ариѳметикою и вообще номиналистическими понятіями въ своей соціальной философіи.

Такова номиналистическая постановка вопроса. Реализмъ смотритъ на дѣло совершенно иначе. Общество разсматривается не какъ unitas compositionis, а какъ unitas essentiae, или, выражаясь терминами схоластика XIII вѣка Викентія изъ Бове, не какъ universale logicum, а какъ universale metaphysicum. Это особая реальность, обладающая дѣйствительностью внѣ индивида и помимо него, до него. Сообразно съ этимъ различіе личности и общества пріобрѣтаетъ уже характеръ различія не количественнаго, а качественнаго, и даже противоположности не двухъ величинъ, а двухъ

принциповъ. Одно дѣло личность. Совсѣмъ другое дѣло общество. У личности могутъ быть свои собственные интересы, свои желанія, своя воля, свое счастье. У общества — тоже свои. Отсюда возможность конфликта между личностью и обществомъ. Отсюда же и то одностороннее рѣшеніе вопроса, которое предлагаетъ соціальный реализмъ, именно подчиненіе личности обществу. Вѣдь universalia sunt realia ante res. И, значитъ, личность обладаетъ конкретнымъ бытіемъ и правомъ на таковое лишь постольку, поскольку она подчиняется универсаліи, поскольку она даже растворяется въ ней: вѣдь только благодаря своей причастности къ универсаліямъ отдѣльные предметы получаютъ конкретность и свое частичное бытіе. И, значитъ, индивидъ существуетъ, можетъ и долженъ существовать не самъ по себѣ и для себя, а лишь постольку, поскольку онъ созданъ обществомъ, изъ общества и для общества. Онъ — не факторъ, а продуктъ общества. И его индивидуальная «эксистенція» всецѣло поглощается соціальною «эссенціею». Сообразно съ этимъ общественное благо, общественная польза и т. д. разсматриваются какъ нѣчто самодовлѣющее, генетически и принципіально болѣе существенное, чѣмъ личное благо, личная польза и т. д. Общественная воля разсматривается уже не ариѳметически какъ общая воля, воля всѣхъ или большинства, какъ воля въ смыслѣ Руссо, а метафизически, какъ самодовлѣющая всеобщая воля, какъ воля въ смыслѣ Гегеля. Словомъ, мы видимъ, что въ зависимости отъ номиналистической или реалистической постановки получаются совершенно различные отвѣты на вопросъ объ отношеніи между индивидомъ и обществомъ. Получаются тѣ два типа соціальныхъ міровозрѣній, о которыхъ писалъ еще Бональдъ: l'homme se fait lui-même et fait la société; la société se fait elle-même et fait l'homme.

Понятіе человѣчества, также какъ и общества, получаетъ совсѣмъ различное значеніе въ зависимости отъ номиналистической или реалистической точки зрѣнія. Для номинализма человѣчество — это не болѣе какъ ариѳметическая сумма человѣческихъ индивидовъ, не имѣющая помимо этихъ индивидовъ ни особаго существованія ни особаго значенія: и человѣческій родъ — это не болѣе какъ классификаціонное понятіе, родовая рубрика для одинаковыхъ или похожихъ другъ на друга существъ. Для реализма же человѣческій родъ — это какая-то реальная универсалія, это единое человѣчество, какъ особое, даже живое существо со своею особою исторіею и судьбою, со своими особыми задачами. И въ жизни человѣчества совершенно растворяется жизнь индивидуальнаго человѣка, растворяется настолько, что его право на самостоятель-

ное существованіе сильно ограничивается, а иногда и совершенно отвергается: такъ, напримѣръ, хотя Наторпъ, какъ кантіанецъ, долженъ былъ бы всегда цѣнить абсолютное значеніе каждой человѣческой личности, онъ тѣмъ не менѣе говоритъ, что индивидъ по отношенію къ человѣчеству это такая же фикція, какъ и атомъ. Контъ въ своемъ реализмѣ доходилъ до утвержденія, что реально только человѣчество. Съ точки зрѣнія реализма, все, что есть лучшаго, цѣннаго и вообще дѣйствительнаго въ отдѣльномъ человѣкѣ, должно быть отнесено насчетъ его участія въ человѣчествѣ, человѣчности, какъ универсаліи высшаго порядка. И въ такомъ именно реалистическомъ смыслѣ Гердеръ писалъ: «я бы хотѣлъ, чтобы слово человѣчество могло охватить все, что я до сихъ поръ сказалъ о благородномъ образованіи человѣка къ разуму и свободѣ, къ тонкимъ чувствамъ и влеченіямъ, къ нѣжнѣйшему и крѣпчайшему здоровью, къ наполненію земли и господству надъ нею»[1]). Не лишено интереса слѣдить за тѣмъ, какъ у иныхъ авторовъ номиналистическое пониманіе человѣчества борется съ пониманіемъ реалистическимъ. Такъ, напримѣръ, Гете на вопросъ историка Лудена о судьбѣ человѣчества отвѣтилъ вопросомъ же: die Menschheit? Das ist ein Abstraktum. Es hat von jeher nur Menschen gegeben und wird nur Menschen geben. Однако онъ же въ другой разъ замѣтилъ: die Menschheit schreitet immer fort, und der Mensch bleibt immer derselbe[2]).

Не только понятіе человѣчества, но и понятіе человѣка получаетъ совершенно различное значеніе въ зависимости отъ номиналистической или реалистической точки зрѣнія. Для реалиста человѣкъ— это не просто родовое понятіе, это предметъ вѣры, это нѣчто самоцѣнное, метафизическое. Для реалиста дѣйствителенъ прежде всего и по преимуществу идеальный, ноуменальный человѣкъ, идея человѣка. А феноменальный, эмпирическій человѣкъ, отдѣльный экземпляръ рода человѣческаго потому именно и считается человѣкомъ, что онъ причастенъ этой универсаліи. И посему какова бы ни была его идіографическая физіономія, каковы бы ни были его эмпирическія достоинства и недостатки, онъ имѣетъ обязанность быть человѣкомъ, но также и право быть имъ и требовать отъ другихъ, чтобы они признавали въ немъ человѣка и уважали это званіе: я — человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Совсѣмъ иной взглядъ у номиналиста. Онъ повторяетъ вмѣстѣ съ Теклой изъ Шиллеровой пьесы Die Piccolomini (III, 5): Lass

[1]) Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, Erster Theil, Viertes Buch, VI (I. G. v. Herders sämmtliche Werke, zur Philosophie und Geschichte, Dritter Theil, Carlsruhe, 1820, стр. 184).

[2]) См. объ этомъ Mosaik von Ioseph Unger, Leipzig, 1911, стр. 51—2.

nicht zu viel uns an die Menschen glauben. Онъ не вѣритъ въ идеальнаго человѣка, въ человѣка вообще. Онъ нигдѣ не видитъ такого человѣка. Онъ видитъ только отдѣльныхъ конкретныхъ людей, отчасти похожихъ другъ на друга, отчасти совсѣмъ не похожихъ. Въ такомъ именно строго номиналистическомъ смыслѣ Жозефъ де Местръ писалъ: «конституція 1795 года сдѣлана для человѣка. Между тѣмъ въ мірѣ вовсе нѣтъ человѣка. Я видѣлъ въ своей жизни французовъ, итальянцевъ, русскихъ и т. д. Я знаю даже, благодаря Монтескье, что можно быть персіяниномъ. Но что касается человѣка, то я объявляю, что я его никогда не встрѣтилъ въ своей жизни; если онъ существуетъ, то совершенно безъ моего вѣдома». Человѣческое для номиналиста — это общечеловѣческое, но не въ реалистическомъ смыслѣ полноты идеальной человѣчности, а въ собирательномъ смыслѣ того немногаго, быть можетъ, даже ничтожнаго, что оказывается дѣйствительно общимъ у всѣхъ людей: menschliches, allzumenschliches.

Тѣ или иныя группировки людей — юридическія по сословіямъ и даже фактическія по классамъ — представляютъ опять-таки далеко не то же самое въ глазахъ номиналистовъ и реалистовъ. Номиналистъ видитъ въ нихъ просто группы лицъ, обладающихъ общими привилегіями или повинностями или же занимающихся одинаковыми профессіями: дворянство — это сумма дворянъ, крестьянство — сумма крестьянъ, буржуазія — сумма горожанъ. Реалистъ же видитъ во всемъ этомъ особыя реальности, корпораціи, тѣла, обладающія особымъ духомъ (esprit de corps), особою жизнью, особою этикою, обязательною для входящихъ въ ихъ составъ индивидовъ. Благодаря такому сословному реализму могло возникнуть правило noblesse oblige. Благодаря ему неоднократно олицетворялось и превозносилось такъ наз. третье сословье, бывшее для Сіейэса даже «всѣмъ». Неоднократно, какъ извѣстно, и рабочій классъ превращался иными соціальными реалистами въ особую общественную универсалію.

Плодомъ такого сословнаго или классоваго реализма является реалистическое же отношеніе къ людямъ того или иного званія или занятія — къ дворянину, рабочему, священнику, судьѣ, офицеру, врачу, студенту и т. п. Здѣсь на каждаго эмпирическаго индивида соотвѣтственной категоріи надѣвается тотъ или иной, если можно такъ выразиться, метафизическій мундиръ или маска (persona), личина того или иного званія или профессіи. И эта универсальная эссенція совершенно заслоняетъ въ глазахъ реалиста дѣйствительное фактическое существованіе, настоящій обликъ даннаго эмпирическаго лица.

Въ спорахъ по такъ наз. женскому вопросу есть тоже свои номиналисты и реалисты. Реалисты аргументируютъ или при посредствѣ понятія человѣка, какъ метафизической универсаліи, которой причастна также и женская половина рода человѣческаго, или же, если они стоятъ на точкѣ зрѣнія болѣе узкаго «феминизма», при посредствѣ понятія женщины, какъ идеи женщины, заключающей въ себѣ такъ или иначе понятое das ewig Weibliche, содержащей въ себѣ не только полноту всего фактическаго женскаго міра, но еще и значительный идеальный придатокъ. Номиналисты же упрямо ссылаются на отдѣльныхъ эмпирическихъ женщинъ и не желаютъ итти дальше обобщенія per enumerationem simplicem.

III.

Такимъ образомъ мы видимъ, что споръ, происходившій въ XI вѣкѣ, между Ансельмомъ и Росцелиномъ по вопросу объ универсаліяхъ, продолжается, въ сущности, еще и теперь, даже тогда, когда обсуждаются общественные вопросы. Здѣсь тоже постоянно сталкиваются два міровоззрѣнія, двѣ системы или по крайней мѣрѣ двѣ методы. Одна учитъ видѣть и признавать только эмпирію, эмпирію отдѣльныхъ индивидовъ и фактовъ. Другая учитъ видѣть въ мірѣ только общественные организмы, соціальныя тѣла и тому под. образованія. Къ этому присоединяется еще то, что одна учитъ искать идею въ дѣйствительности, а другая, напротивъ, учитъ искать дѣйствительность въ идеѣ. И эта противоположность вліяетъ не только на публицистику, но также и на науку.

Такъ, напримѣръ, характеръ соціологіи существенно мѣняется въ зависимости отъ того, разумѣется ли она номиналистически или же реалистически. Когда эта наука или, быть можетъ, только надежда на науку возникала, она была проникнута рѣзко реалистическимъ духомъ. Такъ, Контъ, при всемъ своемъ отвращеніи къ метафизикѣ вообще и къ схоластическимъ «сущностямъ» въ частности, пользовался понятіями общества и человѣчества какъ особыми реальностями, какъ универсаліями съ самостоятельнымъ бытіемъ, совершенно подчиняющимъ себѣ, если даже не уничтожающимъ бытіе отдѣльныхъ индивидовъ. Другіе соціологи дошли въ своемъ реализмѣ даже до превращенія общества въ тѣло, въ біологическій организмъ и занялись описаніемъ его нервныхъ, питательныхъ и иныхъ функцій. Иные соціологи превратили въ соціальныя универсаліи то, что они стали называть факторами человѣческаго общежитія. Особенно много нашумѣла школа такъ наз. экономическаго

матеріализма: экономику, хозяйство, и притомъ не въ смыслѣ суммы индивидуальныхъ хозяйствъ, а въ смыслѣ самосущаго общественнаго хозяйства, эта школа надѣлила такою потенцированною и привилегированною, болѣе того, монопольною реальностью, что, по ея ученію, не только индивидуальныя хозяйства всецѣло поглощаются ею, но даже всѣ прочія проявленія личной и общественной дѣятельности людей представляютъ не болѣе какъ идеологію, надстройку, вообще нѣчто производное отъ хозяйственной универсаліи. Однако не всѣ соціологи примкнули къ реализму. Появились и номиналисты. Это именно тѣ ученые, которые поняли соціологію какъ науку не абстрактную, а конкретную, описательную. Таковъ былъ Лепле, описывавшій типичныхъ индивидовъ и ихъ хозяйства для того, чтобы путемъ умноженія получить общество и его хозяйство. Таковъ былъ Спенсеръ — не тогда, когда онъ черезчуръ реалистически изображалъ общество какъ живой организмъ со всѣми относящимися сюда органами, а тогда, когда онъ собиралъ конкретныя, эмпирическія «данныя соціологіи» и составлялъ таблицы соціальныхъ фактовъ. Таковъ былъ Летурно, который терпѣливо, какъ муравей, собиралъ факты изъ жизни первобытныхъ людей и современныхъ дикарей, этихъ забытыхъ временемъ живыхъ окаменѣлостей доисторическихъ временъ, для того чтобы изъ массы эмпирическихъ данныхъ получить путемъ индукціи обобщенную картину происхожденія и сущности человѣческаго общежитія. Нѣтъ недостатка и въ такихъ соціологахъ, которые стремятся къ компромиссу между номиналистическимъ и реалистическимъ пониманіемъ человѣческаго общежитія. Таковъ хотя бы Фулье съ его ученіемъ о «договорномъ организмѣ» или Тённіесъ съ его ученіемъ о двухъ типахъ общежитія — органическомъ, субстанціальномъ (Gemeinschaft) и механическомъ, собирательномъ (Gesellschaft) — и соотвѣтствующихъ имъ двумъ волямъ: одна — стихійная, универсальная, субстанціальная, фатальная воля органическаго общества, какъ такового (Wesenwille); другая — субъективная, индивидуальная, произвольная воля членовъ механическаго собирательнаго общества (Willkür).

Если обратиться къ политической экономіи, то и въ ней мы найдемъ своихъ номиналистовъ и реалистовъ[1]). Номиналисты довольствуются проблемою цѣны; реалисты же надстраиваютъ надъ нею еще проблему цѣнности, какъ особой, пребывающей въ товарахъ хозяйственной реальности. Номиналисты признаютъ только конкретныхъ людей и ихъ не менѣе конкретныя хозяйства.

[1]) Этой стороны экономической науки отчасти касается П. Б. Струве въ предисловіи къ своей работѣ «Хозяйство и цѣна».

И сообразно съ этимъ они предоставляютъ реалистамъ установленіе абстрактныхъ законовъ абстрактной экономики. Сами же они охотнѣе становятся на историческую точку зрѣнія и даже не останавливаются передъ кропотливымъ изученіемъ исторіи цѣнъ на разные предметы въ разныхъ мѣстахъ въ разныя историческія эпохи и т. д. Реалисты же, напротивъ, исходятъ изъ вѣры въ реальность какого-то абстрактнаго и универсальнаго экономическаго человѣка (homo oeconomicus). А на конкретнаго человѣка со всѣмъ разнообразіемъ его потребностей и начинаній, какъ хозяйственныхъ, такъ и иныхъ, они смотрятъ какъ на что-то или совсѣмъ не существенное или существующее лишь постольку, поскольку онъ причастенъ экономической универсаліи, поскольку онъ, хотя и въ менѣе чистомъ видѣ, обладаетъ природою «эссенціальнаго» экономическаго человѣка. Народное хозяйство для реалистовъ является не столько суммою индивидуальныхъ хозяйствъ, сколько самодовлѣющею универсаліею, принципіально предшествующею индивидуальнымъ хозяйствамъ. Изслѣдуя денежное обращеніе, реалистъ приходитъ къ инымъ выводамъ, чѣмъ номиналистъ. Для реалиста деньги — это особыя универсаліи, обладающія самодовлѣющею цѣнностью и реальностью независимо отъ человѣческаго установленія. Номиналистъ же разсуждаетъ какъ Кнапп[1]), видящій въ деньгахъ не болѣе какъ условный знакъ, искусственное государственное установленіе.

Какъ и экономисты, историки тоже могутъ быть раздѣлены на номиналистовъ и реалистовъ. Къ номиналистамъ относятся историки прагматическаго, идіографическаго направленія, біографы, бытописатели неповторяющихся фактовъ. И ихъ методологическими защитниками являются такіе авторы, какъ Виндельбандъ и Риккертъ или Эдуардъ Мейеръ, увѣряющій, что «политическая исторія всегда будетъ центромъ исторіи, пока человѣкъ останется человѣкомъ»[2]). Къ реалистамъ же относятся историки соціологическаго направленія, для которыхъ отдѣльныя лица и факты сами по себѣ представляютъ ничтожный интересъ, какъ дней минувшихъ анекдоты, достойные забвенія въ хронологической пыли, или какъ та исторія генераловъ, которою Гоголевскій Чичиковъ хотѣлъ угодить Бетрищеву. Историки-реалисты или совершенно отвергаютъ все индивидуальное и фактическое или же допускаютъ это только какъ

[1]) См. его книгу Staatliche Theorie des Geldes, Leipzig, 1905, и критическую статью В. І. Борткевича, Die geldtheoretischen und die währungspolitischen Konsequenzen des «Nominalismus» (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, XXX, 4).

[2]) См. стр. 45 русскаго перевода его «Теоретическихъ и методологическихъ вопросовъ исторіи» (Москва, 1904).

иллюстрацію, какъ конкретизацію тѣхъ или иныхъ универсалій въ родѣ общества, государства, хозяйства, культуры, просвѣщенія, науки. Какъ выражается Ключевскій во введеніи къ своему извѣстному курсу, они изучаютъ какія-то историческія «тѣла». И, какъ выражается Бурдо въ своей книгѣ L'histoire et les historiens, они отбрасываютъ происшествія (événements) ради функцій (fonctions), ради отправленій соціальнаго цѣлаго, его динамики, его эволюціи. Для нихъ исторія — это драма безъ дѣйствій и безъ лицъ или съ однимъ только дѣйствующимъ лицомъ, именно классомъ, народомъ, обществомъ, понимаемымъ не какъ сумма индивидовъ, а какъ особая ипостась, въ которой совершенно теряется все индивидуальное. И если у историковъ номиналистическаго типа «народъ безмолвствуетъ», то у историковъ реалистическаго типа часто говоритъ только народъ.

Въ государствовѣдѣніи приходится на каждомъ шагу дѣлать выборъ между номинализмомъ и реализмомъ. Прежде всего по вопросу о томъ, что такое государство. Для реалистовъ государство — это особая реальность, это универсалія, это воплощенная идея или, какъ выражался Гегель, дѣйствительность нравственной идеи»; это особое бытіе, отличное какъ отъ бытія индивидовъ, такъ и отъ бытія общества. Одни, слѣдуя примѣру еще Менения Агриппы, видятъ въ государствѣ живой организмъ и даже, какъ увѣрялъ Блюнчли, спеціально мужской въ отличіе отъ церкви, этого женскаго организма[1]). Другіе рѣшительно отказываются отъ этого олицетворенія, но не потому, что они не признаютъ никакихъ олицетвореній государства, а потому[2]), что единственно правильнымъ олицетвореніемъ они считаютъ взглядъ на государство какъ на особую юридическую, а не органическую личность. И какъ настаивалъ извѣстный нѣмецкій государствовѣдъ Герберъ, такой взглядъ будто бы безусловно необходимъ для уразумѣнія дѣйствительной природы государства[3]). Благодаря вліянію Гегеля и особенно гегельянца Лоренца Штейна и нѣмецкой формально-юридической школы Гербера, Лабанда и другихъ взглядъ на государство какъ на особое существо, а именно лицо, субъектъ съ особою волею сдѣлался наиболѣе распространеннымъ въ государствовѣдѣніи XIX вѣка

[1]) «Psychologische Studien über Staat und Kirche», 1844. Тамъ же правительство уподобляется головѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ — памяти, иностранныхъ дѣлъ — обонянію, вѣдомство народнаго просвѣщенія — зрѣнію, городскія учрежденія — груди, сельскія — сентиментальности и т. д. (см. стр. 227).

[2]) См. особенно книгу Ueber die sogenannte organische Staatstheorie, von A. Th. van Krieken, Leipzig, 1873, стр. 134 и слѣд.

[3]) Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts, zweite Auflage, Leipzig, 1869, стр. 2 и 216.

Академія

и притомъ далеко за предѣлами Германіи: во Франціи такой же взглядъ проповѣдовалъ недавно скончавшійся патріархъ французскаго публичнаго права Эсменъ; въ Россіи онъ раздѣлялся большинствомъ государствовѣдовъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій; и едва ли не лучшая монографія во славу этого научнаго направленія принадлежитъ балканскому автору Комботекра[1]). Рядомъ съ государствомъ, какъ олицетворенною универсаліею, многіе государствовѣды ставятъ общество, тоже какъ особую реальность. И сообразно съ этимъ вопросъ объ отношеніи между государствомъ и обществомъ получаетъ характеръ отношенія между двумя метафизическими существами. Кто читалъ хотя бы разсужденія Лоренца Штейна на эту тему, тотъ не можетъ не согласиться, что здѣсь рѣчь идетъ не столько о конкретныхъ фактахъ и предметахъ, сколько о двухъ универсаліяхъ, изъ которыхъ одна, именно государство, прямотаки олицетворяется [2]).

Такъ смотрятъ на государство реалисты. Номиналисты совсѣмъ иначе представляютъ себѣ дѣло. Для нихъ государство, какъ таковое, какъ особая сущность или личность — это просто фикція, пустой звукъ безъ соотвѣтствующей реальной дѣйствительности. Они или отвергаютъ эту фикцію и уподобляютъ, какъ это дѣлаетъ Дюги въ своей полемикѣ съ Эсменомъ, государственную личность той душѣ, какъ особой субстанціи, безъ которой только метафизически настроенные психологи не могутъ себѣ представить реальныхъ психическихъ явленій. Или же они просто не замѣчаютъ государства, какъ такового. Такъ именно и поступили редакторы перваго изданія извѣстнаго Конрадовскаго словаря Handwörterbuch der Staatswissenschaften: они просто проглядѣли слово государство (Staat) и спохватились только подъ конецъ изданія. Въ такомъ же чисто номиналистическомъ смыслѣ одинъ французскій юристъ Шардонъ совершенно изгоняетъ изъ своего изслѣдованія о французской администраціи понятіе государства и допускаетъ его только при упоминаніи о государственномъ совѣтѣ (conseil d'état). Въ такомъ же смыслѣ Дюги объявилъ, что «государство умерло», умерло въ смыслѣ метафизическаго существа съ особою надиндивидуальною, надэмпирическою реальностью. Вмѣсто такого государства номиналисты видятъ или правительство (и притомъ понятое тоже номиналистически, не какъ особый органъ или организмъ, а какъ группу данныхъ лицъ, приказывающихъ, запре-

[1]) Combothecra, La conception juridique de l'état, Paris, 1899.

[2]) So ist der Staat die zur selbstbestimmten Persönlichkeit und damit zur äussern und innern Individualität erhobene Gemeinschaft... Der Staat ist eine — die höchste materielle — Form der Persönlichkeit (Die vollziehende Gewalt, Zweite Auflage, Stuttgart, 1869, I, 4, 5).

щающихъ или разрѣшающихъ то или иное прочему населенію страны) или же (тоже номиналистически понятое) общество, «націю, устроенную въ государственный режимъ», какъ выражается Оріу. И сообразно съ этимъ если реалисты разумѣютъ вопросъ объ отношеніи между обществомъ и государствомъ какъ вопросъ объ отношеніи между двумя самосущими, субстанціальными реальностями, то номиналисты или видятъ здѣсь вопросъ объ отношеніи между даннымъ правительствомъ и даннымъ же населеніемъ или же просто не признаютъ совсѣмъ такого вопроса. Такъ, напримѣръ, Гумпловичъ изъ тѣхъ двухъ соціальныхъ реальностей, о которыхъ Лоренцъ Штейнъ разсуждалъ въ такихъ возвышенныхъ, но также и туманныхъ выраженіяхъ, именно общества и государства, призналъ дѣйствительнымъ только первое и то при условіи его строго номиналистическаго пониманія, а второе, т.-е. государство, какъ «возвысившееся до личности общество», онъ призналъ не болѣе какъ метафизическою фикціею. Тѣмъ рѣшительнѣе отвергаютъ номиналисты ту сложную систему соціальныхъ организмовъ, ту своеобразную соціальную монадологію, которую проповѣдовали государствовѣды школы Шеллинга и особенно Краузе, а также и теперь еще проповѣдуютъ такъ наз. германисты и органологи съ ихъ патріархомъ Гирке во главѣ.

Цѣлый рядъ понятій и явленій государственной жизни, а также связанныхъ съ нею проблемъ получаетъ совершенно различный смыслъ въ зависимости отъ номиналистической или реалистической точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, конституція того или иного государства разумѣется реалистомъ какъ нѣчто самодовлѣющее, обладающее трансцендентальнымъ бытіемъ независимо отъ фактическаго соотношенія политическихъ или иныхъ силъ. И она нерѣдко возводится на степень единственно пріемлемой, единственно дѣйствительной политической дѣйствительности, противъ чего, напримѣръ, протестовалъ Бенжаменъ Констанъ: quand on dit: La constitution! l'on a raison. Toute la constitution! l'on a raison encore; mais lorsqu'on ajoute: Rien que la constitution! l'on ajoute une ineptie [1]). Для номиналиста же конституція — это нѣчто совсѣмъ иное. Онъ смотритъ на нее или какъ на одинъ изъ памятниковъ законодательной письменности или же такъ, какъ смотрѣлъ хотя бы Лассаль въ своей знаменитой рѣчи Ueber Verfassungswesen, гдѣ онъ именовалъ дѣйствительною конституціею каждой страны совокупность фактовъ и факторовъ ея эмпирической политической жизни — т.-е. въ Пруссіи короля съ арміею, вліятельное при дворѣ дворян-

[1]) Cours de politique constitutionnelle, 1861, II, 124.

ство, промышленниковъ, банкировъ, но также и организованныхъ, дѣятельныхъ гражданъ и т. п.

Въ народномъ представительствѣ реалистъ видитъ особое представительное «тѣло» (corps représentatif), члены котораго являются не столько делегатами населенія, сколько именно членами этого самодовлѣющаго тѣла. И посему реалистъ принципіально отвергаетъ такъ наз. повелительные мандаты, спеціальныя инструкціи, даваемыя избирателями своимъ депутатамъ. Номиналистъ же смотритъ на представительное собраніе именно какъ на собраніе, какъ на группу представителей. И посему онъ не находитъ ничего предосудительнаго ни въ повелительныхъ мандатахъ ни въ отчетахъ, даваемыхъ депутатами своимъ избирателямъ (здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что французское слово assemblée служитъ и для номиналистическаго и для реалистическаго употребленія: оно означаетъ и простое собраніе, ассамблею, и особую корпорацію, учрежденіе). Для номиналистическаго пониманія народныхъ собраній чрезвычайно характеренъ приводимый Ксенофонтомъ[1]) разговоръ Сократа съ Хармидомъ. Этотъ молодой человѣкъ, охотно обсуждавшій съ отдѣльными лицами государственные вопросы, не рѣшался выступать передъ народнымъ собраніемъ, мотивируя это тѣмъ, что далеко не то же самое говорить съ отдѣльными лицами и выступать передъ множествомъ *(ἐν τῷ πλήθει)*. Это — реалистическая точка зрѣнія. Сократъ же противопоставляетъ ей номиналистическую точку зрѣнія. Боишься ли ты, спросилъ онъ Хармида этихъ валяльщиковъ, или башмачниковъ, или плотниковъ, или кузнецовъ, или земледѣльцевъ, или купцовъ, или барышниковъ: вѣдь собраніе состоитъ именно изъ нихъ *(ἐκ γὰρ τούτων ἁπάντων ἡ ἐκκλησία συνίσταται)*. Для Сократа экклезія разлагается безъ остатка на сумму индивидовъ опредѣленной категоріи. Для Хармида же она представляетъ нѣчто болѣе значительное, передъ чѣмъ онъ даже трепещетъ. Когда Бэджготъ[2]), описывая англійскій парламентъ, изображалъ 658 особъ, собравшихся изъ всевозможныхъ угловъ (при чемъ далеко не всѣ присутствуютъ), равнодушно и со скучающимъ видомъ погруженныхъ въ инерцію и оживляющихся только при попыткахъ ораторовъ ихъ насмѣшить, онъ далъ рѣзко выраженный примѣръ номиналистическаго взгляда на представительство. Такой же взглядъ на англійскую корону проявилъ Сидней Лоу, когда онъ объявилъ, что корона — эта капитальная реальность государственнаго права Англіи — является не болѣе какъ гипотезою, вродѣ физической гипотезы эфира, котораго въ дѣйствитель-

[1]) Memorabilia III, VII.
[2]) См. стр. 206 французскаго перевода его «Англійской конституціи».

ности нѣтъ, но которымъ не безъ успѣха объясняются многія физическія явленія[1]). Наполеонъ I, который самъ, въ сущности, даже еще при жизни сталъ какою-то универсаліею, какою-то метафизическою реальностью, неоднократно проявлялъ чрезвычайно рѣзко выраженный номинализмъ по отношенію къ сущности и атрибутамъ политической власти и величія. «Самый тронъ, — грозно говорилъ онъ законодательному корпусу въ 1814 году, — есть не что иное, какъ четыре куска золоченаго дерева, сложенные вмѣстѣ и покрытые бархатомъ. Тронъ—это одинъ человѣкъ, и этотъ человѣкъ—я, съ моею волею, съ моимъ характеромъ и съ моею извѣстностью». А въ своемъ отвѣтѣ государственному совѣту 20-го декабря 1812 года онъ приписывалъ всѣ неудачи Франціи «идеологіи, этой сумрачной метафизикѣ», иными словами политическому реализму съ его доктринерствомъ, но также и принципіальностью.

Воля государства въ глазахъ номиналиста это не болѣе какъ воля лицъ, стоящихъ въ данное время во главѣ правительственной власти. Если такихъ лицъ всего одно, именно монархъ, то номиналистъ соглашается съ извѣстнымъ выраженіемъ l'état c'est moi или со Спинозовымъ rex est ipsa civitas. Если такихъ лицъ много, то номиналистъ признаетъ за ними право сказать l'état c'est nous. Номиналисты, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Дюги, считаютъ всю государственную власть не болѣе какъ эмпирическимъ фактомъ господства однихъ людей надъ другими безъ какихъ бы то ни было привходящихъ метафизическихъ моментовъ. На такой же точкѣ зрѣнія стояла и такъ наз. аналитическая школа юристовъ въ Англіи. Такъ, напримѣръ, Остинъ объяснялъ существо государственной власти только тѣмъ, что въ каждой самостоятельной странѣ существуютъ единоличные или коллегіальные властители, имѣющіе возможность принудить общество къ полному повиновенію. И всѣ свойства и особенности власти, по мнѣнію Остина, исчерпываются тѣмъ, что, во-первыхъ, властителями являются опредѣленныя лица, во-вторыхъ, имъ повинуется большинство населенія, въ-третьихъ, это повиновеніе обычно, наконецъ, въ-четвертыхъ, властители свободны отъ какого бы то ни было контроля.

Такъ разсуждаютъ номиналисты. Государство они отожествляютъ съ правительствомъ. А правительство — съ лицами, стоящими въ данное время у власти. И посему государственная воля не имѣетъ въ ихъ глазахъ никакого универсальнаго значенія. Это не метафизическая воля государства. Это психологическая воля властителей. Реалисты разсуждаютъ совсѣмъ не такъ. Они повто-

[1]) «Гипотезу короны можно сравнивать съ гипотезою эфира» (Государственный строй Англіи, стр. 219 русскаго перевода 1908 г.).

ряютъ вмѣстѣ съ Паскалемъ: le moi est haïssable. Выше лицъ они ставятъ идею, принципъ. Да и самыя лица разсматриваются и оцѣниваются ими только какъ представители принципа, какъ конкретизація и индивидуація идеи. Государство и его воля разсматриваются ими какъ нѣчто, обладающее самостоятельною, пребывающею дѣйствительностью. Каждый же носитель государственной власти разсматривается какъ органъ этой воли, исполняющій не самостоятельную, а служебную функцію, какъ слуга государства. И въ этомъ смыслѣ Петръ Великій или Фридрихъ II охотно подчеркивали свой политическій реализмъ, въ то время какъ Людовикъ XIV, напротивъ, афишировалъ свой политическій номинализмъ. Монтескье имѣлъ въ виду именно его, когда писалъ въ «Духѣ законовъ:» la monarchie se perd, lorsque le prince rapportant tout uniquement à lui, appelle l'état à sa capitale, la capitale à sa cour, et la cour à sa seule personne (Livre VIII, Chap. VII).

Государственная служба опять-таки различно понимается номиналистами и реалистами. Номиналисты охотно смѣшиваютъ ее съ наймомъ услугъ (locatio-conductio operarum), со службою начальствующимъ лицамъ. Для реалиста же — это служба государству, это соучастіе въ осуществленіи субстанціальной государственной воли, это даже, какъ увѣрялъ[1]) Лоренцъ Штейнъ, соработаніе Божеству, участіе въ такомъ дѣлѣ, въ какомъ, выражаясь словами извѣстнаго церковнаго пѣснопѣнія, силы небесныя съ нами невидимо служатъ. Подобно зерцалу, находящемуся во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, государство, какъ сверхличная и даже сверхобщественная ипостась, какъ бы присутствуетъ при всѣхъ актахъ государственной жизни.

При обсужденіи политическаго догмата раздѣленія властей номиналисты настаиваютъ на буквальномъ и дѣйствительномъ раздѣленіи или, какъ выражается Монтескье, разлученіи властей (séparation des pouvoirs). Реалисты же, допуская необходимость расчлененія функцій, настаиваютъ на единеніи властей (union des pouvoirs).

Для номиналистовъ всякое соединеніе государствъ — это союзъ государствъ (Staatenbund), не образующій новой, отличной отъ нихъ государственности. Для реалистовъ же, напротивъ, при этомъ получается новая политическая реальность, союзное государство (Bundesstaat). Въ безчисленныхъ спорахъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ объ отношеніи Германской имперіи къ входящимъ въ ея составъ 25 государствамъ, кромѣ политической борьбы централизма

[1]) См., напримѣръ, Handbuch der Verwaltungslehre, I, 1888, стран. 24, 32 и др.

съ сепаратизмомъ, происходитъ еще гносеологическая борьба номинализма съ реализмомъ. Для номинализма имперія — это только сумма, получающая свое производное бытіе отъ бытія отдѣльныхъ государствъ союза, которыя въ дѣйствительности только и реальны. Для реализма, напротивъ, полнотою дѣйствительно суверенаго бытія обладаетъ только имперія, а отдѣльныя государства союза получаютъ свое политическое бытіе только въ качествѣ ея составныхъ и производныхъ частей.

Въ правовѣдѣніи и особенно въ теоріи права такъ же, какъ и въ государствовѣдѣніи, постоянно происходитъ споръ между номиналистами и реалистами. Объективное или дѣйствующее право представляется догматику-реалисту универсальною полнотою юридической деонтологіи безъ какихъ бы то ни было пробѣловъ. Для номиналиста же это только сумма отдѣльныхъ законовъ или иныхъ источниковъ права, разновременныхъ, разномѣстныхъ; и посему въ немъ могутъ быть пробѣлы, оно можетъ быть дырявымъ. Въ поискахъ за еще болѣе универсальнымъ объективнымъ правомъ, реальнымъ ante res, многіе юристы и особенно философы права съ давнихъ временъ вѣрятъ въ такъ наз. естественное право и надѣются на его реализацію. И сколько ни старались его отвергнуть болѣе позитивно настроенные юристы, проблема такого права неотступно или, пользуясь однимъ сравненіемъ Гирке, какъ вампиръ преслѣдуетъ дѣйствующее право и его истолкователей. Значитъ, въ ней есть нѣчто жизнеспособное. И эта жизнеспособность вызывается потребностью юридической мысли видѣть въ объективномъ правѣ не только сумму измѣнчивыхъ постановленій законодателя или иныхъ правообразующихъ факторовъ, но также и нѣчто дѣйствительно объективное, реальное, aliquid inconcussum, ту, такъ сказать, универсальную субстанцію права, для которой бельгійскій юристъ Пикаръ предложилъ даже особый терминъ juricité[1]). Понятіе закона, законодателя и его воли различно понимается номиналистомъ и реалистомъ. Номиналистъ придерживается буквы закона, реалистъ его духа и его только предполагаемыхъ намѣреній, весьма часто недѣйствительныхъ въ фактическомъ смыслѣ этого слова. Номиналистъ понимаетъ законодателя какъ лицо или комиссію, составившую проектъ кодекса, и лицо или коллегію, давшую проекту санкцію. И волю законодателя онъ отожествляетъ съ подлинными намѣреніями этихъ законодателей, съ изданными въ свое время — нерѣдко давно прошедшее — мотивами къ тѣмъ или инымъ статьямъ ихъ законопроектовъ. Реалистъ же вѣритъ

[1]) Le droit pur, Paris, 1908, стр. 55.

въ какого-то универсальнаго законодателя, вѣчно реальнаго, вѣчно творящаго. И сообразно съ этимъ его интерпретація воли законодателя далеко выходитъ за предѣлы такъ наз. историческаго толкованія права. Изъ различавшихся римскими юристами двухъ типовъ человѣческихъ группировокъ въ гражданскомъ оборотѣ, именно товарищества (societas) и такъ наз. юридическаго лица (universitas), реалисты болѣе симпатизируютъ второму типу, представляющему особую юридическую личность, отличную отъ входящихъ въ ея составъ лицъ, обладающую особымъ юридическимъ бытіемъ, особою волею, особымъ имуществомъ и т. д. Номиналисты же болѣе симпатизируютъ первому типу, товариществу, считавшемуся не болѣе какъ группою индивидовъ, отвѣчающихъ каждый за себя и свою долю, обществомъ физическихъ лицъ, не отливающимся въ форму особой юридической реальности. Номиналисты рѣшительно отказываются вѣрить въ дѣйствительную реальность коллективныхъ юридическихъ лицъ. «Нѣтъ! — пишетъ, напримѣръ, Іерингъ — не юридическое лицо, какъ таковое, но отдѣльные члены суть истинные субъекты права»[1]). А Бринцъ считаетъ отнесеніе юридическихъ лицъ къ субъектамъ права столь же недопустимымъ, какъ включеніе хранящихся въ музеяхъ человѣческихъ чучелъ въ классификацію живыхъ антропологическихъ типовъ. Въ области уголовнаго права номиналистъ видитъ конкретнаго преступника тамъ, гдѣ реалистъ видитъ абстрактное преступленіе. Въ теоріи права такіе вопросы, какъ, напримѣръ, отношеніе между правомъ и нравственностью, правомъ и государствомъ, правомъ и хозяйствомъ и т. п., обыкновенно ставятся или вполнѣ реалистически, т.-е. такъ, что ставится вопросъ объ отношеніи между двумя гипостазированными абстракціями, двумя универсаліями, или полуреалистически, полуноминалистически, т.-е. такъ, что ставится вопросъ объ отношеніи между одною универсаліею и однимъ эмпирическимъ фактомъ.

Бываетъ и такъ, что въ той или иной общественной наукѣ одна и та же доктрина оказывается съ одной стороны номиналистическою, съ другой же — реалистическою. Такъ, напримѣръ, поскольку классическая и либеральная политическая экономія пользовалась универсаліею экономическаго человѣка, постольку она была реалистическою доктриною. Но поскольку она видѣла въ гражданскомъ обществѣ не особую метафизическую реальность, особую соціальную ипостась, а просто взаимодѣйствіе индивидовъ, постольку она была доктриною номиналистическою. Равнымъ образомъ,

---

[1]) Geist des römischen Rechts, III, 1865, 331.

поскольку такъ наз. историческіе или экономическіе матеріалисты пытаются отвергнуть самостоятельное значеніе идеологіи, а также этическихъ и юридическихъ нормъ или государственной власти и сводятъ все это, какъ они обыкновенно выражаются, къ реальному соотношенію общественныхъ силъ, постольку они являются или, по крайней мѣрѣ, стремятся быть соціальными номиналистами. Но поскольку они гипостазируютъ эти силы въ видѣ соціальныхъ классовъ съ рѣзко очерченнымъ, самодовлѣющимъ бытіемъ и поскольку они ихъ подчиняютъ могущественной экономической универсаліи, въ суверенномъ бытіи и тенденціяхъ которой всецѣло растворяются не только нормы, власть и идеологія, но также и все индивидуальное, постольку они рѣшительно становятся на точку зрѣнія реализма. Въ соціальной философіи начала XIX вѣка реализмъ раціоналистическихъ утопій предшествовавшаго вѣка смѣнился номинализмомъ фактовъ. Но номинализмъ фактовъ, въ свою очередь, былъ поглощенъ реализмомъ факторовъ. Философія естественнаго права номиналистична, когда она отрицаетъ притязаніе дѣйствующаго права на исчерпывающую, универсальную полноту юридической дѣйствительности, и реалистична, когда она считаетъ свое, естественное право дѣйствительнымъ и дѣйственнымъ. Дюги — номиналистъ, когда онъ безъ остатка разлагаетъ государство на лицъ и группы; но онъ же является реалистомъ, когда, желая увидѣть во французской loi нѣчто вродѣ англійскаго law, онъ учитъ о самодовлѣющемъ сверхличномъ «объективномъ правѣ», которое и является у него мѣриломъ правомѣрности всей государственной жизни.

IV.

Въ русской литературѣ чрезвычайно яркую номиналистическую тенденцію проявилъ Л. Н. Толстой, когда онъ называлъ своими именами, безъ какой бы то ни было метафизической идеализаціи, во всей ихъ эмпирической наготѣ, основныя универсаліи религіи, права, политики, вообще всей исторически сложившейся культуры. Но онъ же проявилъ и величайшую степень этическаго реализма, когда онъ съ необычайнымъ ригоризмомъ признавалъ право личной и публичной жизни людей на существованіе только подъ условіемъ воплощенія въ ней универсалій этики. Среди русскихъ юристовъ рѣзко выраженный номинализмъ исповѣдовалъ Н. М. Коркуновъ въ своей работѣ «Указъ и законъ» (1894). Здѣсь онъ, предваряя Дюги и Оріу[1]), отрицаетъ метафизическую государственную

[1]) См., напримѣръ, стр. 132 его книги и стр. 6 или 320 книги Дюги, L'Etat, le droit objectif et la loi positive (Paris, 1901).

личность и метафизическую государственную волю и въ фактическихъ отношеніяхъ между людьми ищетъ основаніе для юридической конструкціи государства. Весьма въ своемъ родѣ оригинальную попытку построить политику, какъ науку, въ строго номиналистическомъ смыслѣ и сообразно съ этимъ опредѣлить ея мѣсто въ системѣ наукъ, тоже номиналистически задуманной, сдѣлалъ другой ученикъ А. Д. Градовскаго А. Л. Блокъ[1]). Чрезвычайно типичнымъ номиналистомъ въ теоріи права является Л. І. Петражицкій, признающій всякую объективацію права не болѣе какъ проэкціею или фантазмомъ и провозглашающій единственною юридическою реальностью явленія субъективной правовой психики, фактически переживаемыя отдѣльными людьми юридическія эмоціи, которыя онъ и предлагаетъ классифицировать по родамъ и видамъ. Ярко выраженнымъ реалистомъ былъ Б. Н. Чичеринъ, видѣвшій въ умозрѣніи мѣрило явленій и учившій, что безъ метафизики нельзя понять ни права ни государства. Реалистиченъ былъ и учитель Коркунова А. Д. Градовскій, по крайней мѣрѣ тогда, когда, предваряя ученіе голландскаго юриста Краббе о суверенитетѣ закона, онъ въ своей системѣ русскаго доконституціоннаго государственнаго права ставилъ законъ впереди и выше верховной самодержавной власти. Реалистиченъ былъ и Вл. Соловьевъ, когда онъ, напримѣръ, училъ о церкви, какъ особой самодовлѣющей универсаліи, или когда онъ занимался «оправданіемъ добра», какъ особой деонтологической реальности. Реалистичны писатели, группировавшіеся вокругъ «Проблемъ идеализма». Реалистиченъ П. И. Новгородцевъ со своими учениками. Вообще же можно сказать, что русскіе обществовѣды до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, чаще и охотнѣе тяготѣли къ реализму онтологическому, чѣмъ деонтологическому. Они чаще разсуждали объ универсальныхъ силахъ и факторахъ, производящихъ явленія соціальной дѣйствительности, чѣмъ объ универсальныхъ деонтологическихъ нормахъ, при посредствѣ которыхъ познается и создается этическая или юридическая дѣйствительность. Въ частности, какъ извѣстно, юридическій реализмъ далеко не обезпечилъ себѣ права на самостоятельное признаніе[2]). И цѣлый рядъ русскихъ писателей былъ склоненъ пренебрегать имъ, отвергать его и всецѣло приносить въ жертву экономическому и вообще соціологическому реализму или же номинализму мысли, не желающей, а то и просто не умѣю-

---

[1]) См. объ этомъ брошюру автора настоящаго этюда «Александръ Львовичъ Блокъ, государствовѣдъ и философъ» (Варшава, 1911).

[2]) См. объ этомъ статью Б. А. Кистяковскаго «Въ защиту права», помѣщенную въ сборникѣ «Вѣхи» Москва, 1909.

щей выйти за предѣлы отдѣльныхъ фактовъ. Этимъ объясняется, почему эмпирическія науки, исторія и естествознаніе гораздо больше процвѣтаютъ въ Россіи, чѣмъ философія и науки моральныя, особенно же юридическія. Но этимъ же объясняется и то, почему юридическая культура, какъ таковая, не пользуется должнымъ вниманіемъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, которое, какъ нерѣдко отмѣчалось, далеко не всегда по достоинству оцѣниваетъ великое цивилизующее значеніе юридической деонтологіи.

V.

Такимъ образомъ и въ публицистикѣ и въ обществовѣдѣніи идетъ непрерывная борьба между номинализмомъ и реализмомъ. Сообразно съ этимъ у интересующихся вопросомъ о томъ, какъ дѣлается наука, какова ея генеалогія и систематика, не можетъ не возникнуть вопросъ какъ объ историческомъ, такъ и о принципіальномъ взаимоотношеніи этихъ двухъ теорій. Если обратиться къ исторіи соціальной философіи и тѣхъ понятій, которыми она пользуется, то мы увидимъ картину перемежающагося выступленія то номинализма, то реализма: каждое изъ этихъ направленій то отодвигается на задній планъ и почти совсѣмъ исчезаетъ, то властно и побѣдоносно выступаетъ впередъ и притязаетъ на доминирующее, даже исключительное господство. Не вдаваясь въ детали и нюансы, можно въ самыхъ общихъ чертахъ сказать, что въ античной общественной философіи, въ общемъ, преобладалъ номинализмъ, въ средніе вѣка—реализмъ. Въ философіи новаго времени, особенно въ XVII и XVIII вѣкѣ, — опять номинализмъ. И, наконецъ, XIX вѣкъ, особенно въ началѣ, былъ вѣкомъ реализма, смѣнившагося подъ конецъ опять номинализмомъ.

При всей наклонности древнихъ грековъ къ созерцательности и метафизикѣ, при всей пластичности ихъ языка, понимавшаго даже идею какъ живой, зримый образъ, они все-таки мало тяготѣли къ реализму въ вопросахъ общественности. Эти вопросы ставились и рѣшались ими не столько какъ вопросы отвлеченнаго теоретическаго познанія, сколько какъ конкретные, практическіе, нерѣдко даже злободневные вопросы. И при несложности ихъ общественнаго быта вся ихъ личная и публичная жизнь представлялась имъ съ такою простотою и въ такой тѣсной связи съ извѣстными лицами и фактами, что, казалось, не было никакой необходимости прибѣгать къ замысловатымъ метафизическимъ понятіямъ. Государство разумѣлось какъ городъ *(πόλις)* или какъ общество *(κοινωνία)*, понятое какъ сумма свободныхъ гражданъ. Чтобы

познать государство какъ коллективъ, Аристотель отправлялся отъ понятія отдѣльнаго гражданина. Сумма гражданъ и считалась государствомъ. Народное собраніе (экклезія) тоже не считалось какимъ-то законодательнымъ корпусомъ. Государства классифицировались Аристотелемъ по чисто номиналистическимъ основаніямъ, именно по числу правящихъ лицъ и тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются именно этими лицами.

Словомъ, номинализмъ торжествовалъ. Но было бы большою односторонностью предполагать, что реализмъ былъ совершенно заглушенъ. Это противорѣчило бы какъ принципіальной необходимости соціальнаго реализма (по крайней мѣрѣ въ его деонтологической формѣ) въ каждомъ организованномъ общежитіи, такъ и спеціально метафизическимъ и діалектическимъ вкусамъ древнихъ грековъ. Проблема соціальнаго реализма выступила съ полною отчетливостью тогда, когда стали противопоставлять другъ другу природу и законъ или установленіе (*φύσις* и *νόμος* или *θέσις*). Поскольку эта противоположность изъ области гносеологіи и вообще чистой философіи переносилась также и въ міръ общественности, постольку и здѣсь реальность идеи ставилась выше реальности факта. И такимъ образомъ создавалась почва для метафизическаго реализма. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, *φύσει δίκαιον*, естественная, природная справедливость была признана единственно реальною справедливостью, независимо отъ того, соотвѣтствуетъ ли ей фактическая, конкретная справедливость, установленная обычаями или публичною властью въ той или иной странѣ (*νόμῳ δίκαιον*). Болѣе того, реальность этой послѣдней справедливости ставилась уже въ зависимость отъ ея соотвѣтствія справедливости естественной. И такимъ образомъ универсалія естественной справедливости была признана реальною ante res. Такое перенесеніе проблемы реальнаго изъ міра фактовъ въ міръ идей получило своеобразное подкрѣпленіе въ ученіи Платона о дѣйствительной реальности только міра идей, который вѣчно есть, хотя и никогда не бываетъ. А конкретный міръ, который постоянно бываетъ, но никогда не есть, получилъ уже характеръ блѣдной копіи, если не каррикатуры настоящей дѣйствительности. И сообразно съ этимъ Платонъ предлагалъ оріентировать фактическое государство въ идеальномъ государствѣ, фактическія проявленія добра въ идеѣ добра, познаніе которой онъ призналъ величайшею наукою. Въ достаточной степени реалистиченъ и Аристотель не только какъ метафизикъ, но также и какъ обществовѣдъ. Хотя онъ и суммировалъ государство изъ отдѣльныхъ гражданъ, однако у него государство, какъ таковое, все же принципіально предшествуетъ

гражданамъ. И именно въ этомъ смыслѣ онъ характеризовалъ человѣка какъ политическое существо. Такимъ образомъ политическая универсалія принципіально поглощаетъ у него индивида. И не напрасно вообще могло составиться убѣжденіе, что въ античномъ мірѣ, столь тщательно изученномъ Аристотелемъ, индивидъ былъ ничто, а государство — все, убѣжденіе, которое только недавно стало колебаться историками Греціи. Реалистиченъ Аристотель и тогда, когда онъ характеризуетъ всѣ стороны государственной и гражданской жизни *πρὸς τὴν πολιτείαν*, какъ онъ любитъ выражаться, т.-е. примѣнительно къ тому или иному государственному устройству. Здѣсь форма правленія признается какъ бы какимъ-то онтологическимъ prius, какою-то универсаліею, формирующею конкретную политическую дѣйствительность во всѣхъ ея частныхъ проявленіяхъ. Дальнѣйшее развитіе и даже, можетъ быть, уже искаженіе греческій соціальный реализмъ получилъ у стоиковъ, именно въ ихъ ученіи о бытіи не только реальномъ, но даже матеріальномъ, чувственномъ, такихъ отвлеченныхъ понятій, какъ добро, добродѣтель и т. д. Они же первые назвали и государство тѣломъ.

Если обратиться къ римлянамъ, то и у нихъ мы замѣтимъ, въ видѣ основного мотива, рѣзко, гораздо даже рѣзче, чѣмъ у грековъ, выраженное преобладаніе номиналистическихъ понятій. Ихъ право носило казуальный и индивидуалистическій характеръ. Номиналистическая societas пользовалась у нихъ бо́льшимъ распространеніемъ, чѣмъ реалистическая universitas. А государство именовалось civitas, т.-е. буквально гражданство, собраніе, сумма гражданъ (cives). Эта сумма понималась до такой степени номиналистически, что, напримѣръ, Цицеронъ именовалъ государство даже сходкою (coetus). Между тѣмъ какъ мы преимущественно связываемъ съ понятіемъ государства представленіе или объ извѣстной территоріи, странѣ или же о власти, древніе римляне связывали это понятіе съ населеніемъ. И передъ ихъ взоромъ, какъ тѣлеснымъ, такъ и мысленнымъ, государство вставало тогда, когда они видѣли или представляли себѣ собраніе гражданъ, народное собраніе, даже сходку.

Однако и римляне при всей конкретноти и утилитарности своего мышленія, а также при всемъ не то нежеланіи, не то неумѣніи пускаться въ метафизику, въ своихъ общественныхъ представленіяхъ не избѣжали реализма и даже отчасти метафизическаго реализма. Такъ, рядомъ съ номиналистическою civitas, какъ совокупностью гражданъ, ариѳметически изъявляющихъ свою публичную волю, они признавали еще нѣкую «публичную вещь» (rem

publicam), нѣкое публичное дѣло, общественное недѣлимое, то, что французы называютъ la chose publique, нѣмцы конца XVII вѣка называли das Gemeinwesen, а поляки называютъ rzecz pospolita, что совершенно неправильно переводится на русскій языкъ «Рѣчь посполитая». Вотъ эта-то публичная вещь[1]) и являлась тою неизбѣжною политическою универсаліею, которая въ глазахъ римлянъ считалась реальною ante res, которая принципіально ставилась выше и внѣ гражданъ, какъ простой ариѳметической суммы опредѣленныхъ индивидовъ. Далѣе, поскольку римляне усвоили и даже отчасти присвоили себѣ стоическую философію, постольку они усвоили и еще утрировали ея доходившую до матеріализма реализацію общихъ и отвлеченныхъ идей. Такъ, напримѣръ, Сенека не только доказывалъ своему недоумѣвавшему корреспонденту Люцилію, что добро, добродѣтель и т. п. — это реальные, конкретные, даже твердые, тѣлесные предметы, но еще и проявлялъ совершенно опредѣленный соціальный реализмъ. Такъ наз. соціальная точка зрѣнія въ пониманіи и оцѣнкѣ индивидуальнаго человѣка вполнѣ отчетливо высказана уже въ трактатѣ Сенеки De beneficiis.

Съ принятіемъ христіанства цѣлый рядъ соціальныхъ понятій получилъ рѣзко выраженный реалистическій характеръ. Такъ, напримѣръ, церковь, экклезія, т.-е. буквально собраніе, народное собраніе, получила теперь иное значеніе. Это не просто собраніе вѣрующихъ христіанъ. Церковь сама становится предметомъ вѣры. И никейскій символъ вѣры требуетъ именно вѣры во единую святую, соборную и апостольскую церковь. Объясняется это тѣмъ, что церковь уже утрачиваетъ номиналистическій характеръ суммы или собранія вѣрующихъ и пріобрѣтаетъ характеръ особой таинственной, мистической ипостаси, которая существуетъ независимо отъ числа и усердія вѣрующихъ. И уже ап. Павелъ именовалъ церковь тѣломъ — такъ что не случайно могла возникнуть легенда о его перепискѣ со стоикомъ Сенекою. Равнымъ образомъ и государство (civitas) стало утрачивать номиналистическій характеръ суммы, собранія, даже сходки гражданъ и получило характеръ особой длительной, если не пребывающей во вѣки вѣковъ, какъ церковь, соціальной ипостаси. Такое пониманіе государства,

---

[1]) Редактируя сдѣланный А. Б. Ставскимъ русскій переводъ «Политическаго трактата» Спинозы (Варшава, 1910), авторъ настоящаго этюда позволилъ себѣ нѣсколько разъ прибѣгнуть къ этому выраженію вслѣдствіе того, что Спиноза различаетъ civitatem и rempublicam. Это выраженіе было однако осуждено авторами другого перевода, вышедшаго подъ редакціею проф. Котляревскаго; они усмотрѣли въ немъ даже доказательство «развязности» переводчиковъ.

по крайней мѣрѣ небеснаго государства, можно найти уже въ трактатѣ бл. Августина De civitate Dei.

Эта реалистическая тенденція начинавшагося средневѣковья достигла своего апогея въ разгарѣ среднихъ вѣковъ. Какъ реалистична ортодоксальная гносеологія и метафизика среднихъ вѣковъ, такъ же реалистична въ метафизическомъ смыслѣ этого слова и ортодоксальная общественная мысль того времени. Положеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось не столько его личнымъ статусомъ (status personalis), что типично только для начала среднихъ вѣковъ, сколько его соціальнымъ статусомъ. И сообразно съ этимъ индивидъ разсматривался какъ членъ племени или націи, сословія, корпораціи, цеха и т. д. Иными словами, онъ квалифицировался не столько какъ независимая личность, сколько какъ составная часть того или иного соціальнаго организма. Благодаря этому появились многочисленныя universitates, т.-е. корпораціи — ремесленниковъ, купцовъ, ученыхъ (отсюда и нынѣшнее наименованіе университетовъ). Эти universitates разсматривались какъ особыя существа, подобно тому какъ и весь міръ, вся вселенная именовалась universum не въ смыслѣ суммы всѣхъ предметовъ міра, а въ смыслѣ особаго существа, особаго единства, которое, какъ таковое, даетъ частное, производное, конкретное бытіе всѣмъ входящимъ въ его составъ предметамъ. Одною изъ такихъ соціальныхъ универсалій считалось государство. Въ матеріализаціи этого понятія иные средневѣковые публицисты доходили до того, что уподобляли государство организму и надѣляли его соотвѣтственными органами.

Но наиболѣе яркимъ проявленіемъ реализма общественной мысли въ средніе вѣка были двѣ универсаліи. Во-первыхъ, католическая, т.-е. буквально, именно универсальная, вселенская церковь, разумѣвшаяся не номиналистически, какъ сумма вѣрующихъ, а реалистически, какъ особое существо, даже тѣло (corpus mysticum). Въ первомъ случаѣ, т.-е. если бы церковь имѣла лишь номиналистическій смыслъ, ея судьба находилась бы въ зависимости отъ судьбы ея членовъ. Она не была бы едина, ибо возможны ереси. Она не была бы непогрѣшима, ибо люди грѣшны и кто изъ нихъ безъ грѣха? Она не была бы вѣчна, ибо всѣ люди смертны, о чемъ особенно настойчиво твердили схоластики въ своихъ силлогистическихъ фигурахъ; и, значитъ, ея бытіе являлось бы постояннымъ возникновеніемъ, палингенезисомъ, т.-е. зависѣло бы отъ эпидемій, войнъ, глада, потопа, труса и т. д. Словомъ, она была бы просто эмпирическимъ фактомъ существованія извѣстнаго количества людей, приблизительно одинаково

вѣрующихъ приблизительно въ одни и тѣ же догматы. Во второмъ же случаѣ церковь, какъ истинная универсалія, реальна ante res. Въ своемъ независимомъ, суверенномъ бытіи она безсмертна, непогрѣшима, непобѣдима. И даже врата адовы, не то что случайности эмпиріи, не одолѣютъ ея. Вполнѣ понятно, почему схоластическое богословіе по вопросу о церкви рѣшительно вступило на путь реализма. А церковные іерархи, слѣдуя принципу, выраженному св. Бернардомъ: melius est, ut pereat unus, quam unitas, не задумывались жертвовать индивидами ради церкви. Другою соціальною универсаліею средневѣковья была тоже вселенская, универсальная, міровая священная римская имперія. Эта довольно рано ставшая не болѣе какъ химерою и фикціею держава, какъ извѣстно, просуществовала до начала XIX вѣка. Вольтеръ замѣтилъ о ней, что это и не священная, и не римская, и не имперія. Пуффендорфъ видѣлъ въ этой политической формаціи «чудовищу подобное иррегулярное тѣло». Но реалисты среднихъ вѣковъ разсуждали совсѣмъ не такъ. Они вѣрили только въ универсаліи. И только эти универсаліи считались ими дѣйствительно реальными. И посему настоящимъ, дѣйствительно реальнымъ государствомъ они считали не тѣ мелкіе феодальные удѣлы, которые сообщали картѣ тогдашней Европы видъ пестраго ковра, или одѣяла, сшитаго изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, и не тѣ civitates, вродѣ Франціи или Англіи, которыя разумѣлись ими какъ корпораціи или провинціи, входящія въ составъ настоящаго государства. Настоящимъ и единственнымъ, не склоняющимся во множественномъ числѣ государствомъ они считали имперію — универсальную, вселенскую, священную римскую имперію. Только такая имперія считалась реальною. Вотъ почему главныя усилія схоластическихъ государствовѣдовъ были обращены не на то, чтобы лучше разобраться въ запутанныхъ явленіяхъ феодальной раздробленности или въ медленномъ возникновеніи національныхъ и территоріальныхъ государствъ, а на то, чтобы такъ или иначе рѣшить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ универсалій — вселенской міродержавной церкви и всемірной міродержавной имперіи. Типичная для средневѣковой мысли тенденція къ единству (unitas) привела къ признанію воображаемаго духовнаго и политическаго единства человѣчества не мечтою утопистовъ, а едва ли не единственнымъ реальнымъ фактомъ настоящей дѣйствительности.

По мѣрѣ того, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ все болѣе и болѣе усиливалась рецепція римскаго права, явилась новая юридическая универсалія. Именно стали возводить право древнихъ римлянъ на степень единственно реальнаго, настоящаго, всеобщаго и необ-

ходимаго права, по отношенію къ которому всякія другія юридическія нормы и отношенія нерѣдко признавались реальными, лишь поскольку они причастны римскому праву, въ качествѣ ли его воображаемыхъ источниковъ, какъ иногда утверждали о ветхозавѣтномъ Моисеевомъ правѣ, или же въ качествѣ его копіи и болѣе или менѣе неудачнаго подражанія. Вселенская церковь, вселенская имперія, вселенское право — все это были чрезвычайно типичныя универсаліи схоластическихъ обществовѣдовъ. Весьма характерно для схоластическаго реализма также и распространенное въ средніе вѣка ученіе о такъ называемой эссенціальной справедливости. Именно учили, что существуетъ универсальная, ante res справедливость, эссенція справедливости. И въ согласіи со взглядомъ Аристотелева происхожденія на Божество какъ на средоточіе всѣхъ чистыхъ эссенцій, стали учить, что основной типъ или «архетипъ» справедливости находится въ Богѣ, имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Его лицѣ и Его свойствахъ. Сообразно съ этимъ земная, человѣческая справедливость считалась реальною, дѣйствительною лишь постольку, поскольку она признавалась производною отъ справедливости эссенціальной.

Такимъ образомъ въ соціальной философіи среднихъ вѣковъ господствовалъ реализмъ. И соціальный номинализмъ, съ его сомнѣніями по поводу только что охарактеризованныхъ универсалій, съ его гражданскимъ и политическимъ индивидуализмомъ, поднималъ свой голосъ такъ же робко и неувѣренно, какъ номинализмъ чисто философскій или богословскій, съ его еретическими, приводившими къ «тритеизму», сомнѣніями относительно реальности троичности (trinitas) или же относительно гносеологической и онтологической цѣнности такихъ олицетворенныхъ понятій, какъ humanitas, animalitas, socratitas, quidditas, haecceitas и т. д.

Конецъ среднихъ вѣковъ и новаго времени сопровождается рѣшительнымъ торжествомъ номинализма въ философіи и обществовѣдѣніи. И это торжество окончательно обнаружилось въ эпоху крупныхъ системъ, именно въ XVII столѣтіи. Secta Nominalium, писалъ, напримѣръ, Лейбницъ, omnium inter Scholasticas profundissima, et hodiernae reformatae philosophandi rationi congruentissima[1]). А Гоббесъ пояснялъ: Nihil enim in rerum natura universale est praeter rerum vocabula[2]). Принципъ entia sine necessitate non sunt multiplicanda проводится со строгою послѣдовательностью. И изъ философіи и науки изгоняются всякія эссенціи, формы и

[1]) Dissertatio de stilo philosophico Nizolii, XXVIII, Opera, ed. Erdmann. I, 68.

[2]) Leviathan, Pars I, Cap. IV, Opera latina, ed. Molesworth, III, 24.

архетипы. Опытъ и доказательство призываются къ установленію настоящей научной дѣйствительности. Возрождается атомистика и притомъ не только въ физикѣ, но и въ обществовѣдѣніи. И сообразно съ этимъ всѣ соціальныя универсаліи получаютъ механическій, собирательный смыслъ. Въ новомъ ученіи de homine человѣкъ разсматривается какъ экземпляръ рода человѣчества, всѣ члены котораго настолько похожи, равны другъ другу и тожественны, что образуютъ какъ бы соціальныя единицы, изъ которыхъ и суммируются аггрегаты, именуемые обществами, націями, государствами и т. д. Сообразно съ этимъ новая гражданская философія (philosophia civilis), созданная по образцу механической естественной философіи (philosophia naturalis), разсматривала общежитіе или какъ естественное состояніе взаимнаго притяженія и отталкиванія человѣческихъ индивидовъ или же какъ искусственное гражданское состояніе, образовавшееся путемъ искусственнаго суммированія индивидовъ. Этимъ духомъ былъ проникнутъ еще Кантъ, когда онъ опредѣлялъ государство какъ множество, группу (eine Menge). Въ философіи Ж. Ж. Руссо простота этого соціальнаго номинализма, замѣнявшаго метафизику ариѳметикою, достигла апогея. Общая воля, училъ онъ, это нѣчто похожее на волю всѣхъ или по крайней мѣрѣ большинства. Сообразно съ этимъ, объяснялъ онъ, если въ государствѣ десять тысячъ гражданъ, то у каждаго индивида находится одна десятитысячная часть суверенной власти. Если гражданъ сто тысячъ — то одна стотысячная. Alors, le sujet restant toujours un, le rapport du souverain augmente en raison du nombre des citoyens[1]). Номиналистична была въ значительной степени возникшая въ XVIII вѣкѣ экономическая наука. Номинализмомъ же проникнуты и идеалы французской революціи. Ея дѣятели по преимуществу мечтали о гражданскомъ обществѣ какъ суммѣ равныхъ и свободныхъ индивидовъ. И увѣнчавшій французскую революцію Наполеоновъ кодексъ насквозь проникнутъ соціальнымъ номинализмомъ.

Несмотря на такое господство номинализма, реализмъ, какъ и въ античномъ мірѣ, тоже заявлялъ свои права. Такъ, когда въ XVI вѣкѣ появилось новое политическое понятіе, именно суверенитетъ, оно быстро получило чисто реалистическое значеніе. Суверенитетъ характеризовался не какъ majestas personalis, а какъ majestas realis. Словомъ, выходило, что дѣйствительно и преимущественно реальны не конкретные правители, суверенно отправляющіе свою власть, а, напротивъ, суверенная власть, отъ имени

[1]) Contrat social, III, I.

которой дѣйствуютъ правители, которые дѣйствительны только потому, что они уполномочены суверенною властью. Здѣсь явственно проявилась тенденція поставить государство, какъ идею, какъ принципъ, выше государей и иныхъ правящихъ лицъ. Далѣе, въ XVII вѣкѣ стали настойчиво проводить реалистическое ученіе о государствѣ какъ особомъ лицѣ: civitas est persona una, училъ, напримѣръ, Гоббесъ. Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ универсалія человѣка, человѣка вообще, универсальнаго, абстрактнаго, эссенціальнаго, ноуменальнаго человѣка сдѣлалась самымъ любимымъ и популярнымъ среди обществовѣдовъ и публицистовъ понятіемъ. На этой универсаліи строилась возникавшая тогда экономическая наука. Отъ ея имени заявлялись права человѣка и гражданина. Къ ней прибѣгалъ Кантъ въ своей моральной и соціальной философіи. И даже Руссо пользовался ею, чтобы разбить реализмъ цѣлаго ряда исторически сложившихся понятій и отношеній. Такимъ образомъ, какъ и въ античномъ мірѣ, номинализмъ господствовалъ надъ реализмомъ, но не вытѣснялъ его, и, повидимому, не могъ этого сдѣлать. Это полезно имѣть въ виду при принципіальной оцѣнкѣ этихъ двухъ типовъ міропониманія и жизнепониманія.

Съ началомъ XIX вѣка начинается торжество реализма. Такія понятія, какъ нація, народъ, общество, государство получаютъ значеніе не собирательныхъ группъ, а особыхъ субстанцій, даже живыхъ организмовъ, одушевленныхъ особымъ духомъ. Такими же организмами были провозглашены даже право и языкъ. Философія учитъ объ объективаціи духа. Соціологія пріучаетъ мысль къ преобладанію и даже исключительному господству всякаго рода соціальныхъ реальностей. Историки отказываются отъ частнаго и индивидуальнаго ради общаго и соціальнаго. И всѣ вопросы обществовѣдѣнія — даже за предѣлами научныхъ круговъ — дебатируются, главнымъ образомъ, въ терминахъ реализма.

Однако въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIX столѣтія и въ началѣ XX сталъ проявляться опять поворотъ въ сторону номинализма. Въ правовѣдѣніи реализмъ «эссенціальныхъ» нормъ, понимавшихся то въ смыслѣ вѣчнаго и естественнаго права разума, то въ смыслѣ историческаго права народнаго духа, уже въ пятидесятыхъ годахъ смѣнился номинализмомъ права, какъ политики власти, какъ простой соціальной цѣлесообразности или какъ юридически защищеннаго интереса. Объективное право стали понимать или какъ сумму законодательныхъ приказовъ или какъ сумму судейскихъ рѣшеній. Въ экономикѣ появилась историческая школа, которая вмѣсто статическихъ универсалій абстрактной науки или вмѣсто динамическихъ универсалій соціальной исторіи вступила на путь

конкретнаго, номиналистическаго изслѣдованія отдѣльныхъ фактовъ хозяйственнаго поведенія людей. Въ государствовѣдѣніи стали отказываться отъ особой государственной личности и особой государственной воли, даже отъ государства вообще, какъ особой реальности. Въ теоріи историческаго познанія наукѣ объ общемъ, т.-е. наукѣ реалистической стали противопоставлять науку объ идіографическомъ, о фактахъ и лицахъ, т.-е. науку номиналистическую, поскольку впрочемъ она не корректировалась реалистическимъ ученіемъ о болѣе или менѣе универсальныхъ «цѣнностяхъ». Въ этикѣ усилился субъективизмъ и эволюціонизмъ, для которыхъ всякаго рода моральныя универсаліи являются не болѣе какъ метафизическими проэкціями безъ всякаго права на какую бы то ни было онтологическую или деонтологическую цѣнность и представляютъ интересъ только какъ проявленія субъективной моральной психики, индивидуальной или собирательной. И, наконецъ, для довершенія стиля въ гносеологіи появился такъ наз. прагматизмъ, для котораго всѣ безъ исключенія универсаліи какъ въ онтологіи, такъ и въ деонтологіи являются не болѣе какъ обозначеніемъ эмпирическаго факта существованія у отдѣльныхъ, многихъ, а то и у всѣхъ людей тѣхъ или иныхъ субъективныхъ потребностей въ опредѣленныхъ понятіяхъ и правилахъ, что отнюдь не свидѣтельствуетъ о дѣйствительной объективности и этихъ понятій и этихъ правилъ. Въ этой доктринѣ современный номинализмъ достигаетъ своего апогея. И переживаемыя нами міровыя событія застигли многихъ изъ насъ съ явно недостаточнымъ арсеналомъ номиналистическихъ понятій, безпринципно регистрирующихъ и обобщающихъ факты, которые иногда подчиняются онтолотическому реализму факторовъ, но безъ метафизическаго углубленія явленій дѣйствительности и безъ твердой вѣры въ реальность этической деонтологіи, въ возможность и необходимость познанія дѣйствительности при посредствѣ принциповъ.

VI.

Таково историческое соотношеніе соціальнаго номинализма и реализма. Спрашивается, каково же ихъ принципіальное соотношеніе. Очевидно, что номинализмъ полезенъ и необходимъ тамъ, гдѣ мы желаемъ познать фактическое, эмпирическое. Здѣсь наблюденіе, опытъ, экспериментъ до того необходимы, а отрицательный примѣръ схоластики, пошедшей по иному пути, является до такой степени устрашающимъ, что наука, занятая именно этимъ, и можетъ и должна избѣгать всякаго рода метафизическихъ реалій.

И она должна имѣть дѣло только съ фактами, съ ихъ сравненіемъ и индуктивнымъ обобщеніемъ, т.-е. съ пріемами номиналистическаго познанія. Однако, когда начинается не простое познаніе фактовъ въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, а ихъ объясненіе, тогда открывается поводъ для широкаго пользованія универсаліями всякаго рода въ видѣ гипотезъ и даже фикцій, методологическое значеніе которыхъ уже даже для конструкціи фактовъ въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ особаго вниманія въ теоріи науки. Далѣе, такъ какъ еще Аристотель замѣтилъ, что науки объ индивидуальномъ, какъ таковомъ, строго говоря, не можетъ быть, ибо наука есть всегда знаніе объ общемъ, и такъ какъ, по правильному замѣчанію схоластиковъ, индивидъ неисчерпаемъ, то приходится въ цѣломъ рядѣ случаевъ познавать индивидуальное при посредствѣ общаго. А это неизбѣжно заставляетъ научную мысль предпосылать нѣчто универсальное ante res отдѣльнымъ конкретнымъ предметамъ, сумма которыхъ — буде вообще она дѣйствительно можетъ быть составлена съ должною, т.-е. исчерпывающею полнотою —можетъ, пожалуй, представить нѣчто отличное отъ этой универсаліи. Наконецъ, изслѣдователямъ общественныхъ явленій едва ли можно будетъ когда-нибудь отказаться отъ суммированія своихъ, въ сущности, всегда только частичныхъ и неполныхъ обобщеній въ видѣ универсалій, содержащихъ въ себѣ гораздо больше, чѣмъ простую сумму этихъ явленій: таковы, напримѣръ, понятія культуры, права, хозяйства, общества, правительства, представительства, государства, націи, соціальныхъ классовъ, языка, литературы, человѣчества и т. д. Быть можетъ, все это свидѣтельствуетъ не о торжествѣ человѣческаго ума, сводящаго единичное къ цѣлому, а, напротивъ, о его слабости, о неумѣніи, о неспособности дѣйствительно обнять міръ во всемъ его неисчерпаемомъ фактическомъ многообразіи. Быть можетъ, высшимъ и идеальнымъ типомъ знанія міра фактовъ было бы исчерпывающее, портретное и біографическое всезнаніе, знаніе даже каждаго дерева во всемъ отличіи его отъ другихъ деревьевъ, и каждаго листка на этомъ деревѣ въ отличіе отъ другихъ листьевъ, о которомъ часто мечтали философы. Но они же не могли не признать, что такое знаніе если и доступно кому-нибудь, то единственно Богу, Котораго только и можно себѣ представить какъ дѣйствительнаго и полнаго номиналиста, дѣйствительно, исчерпывающимъ образомъ знающаго все фактическое во всей его фактичности и специфичности. Человѣческому же уму, которому не дано божественное всезнаніе, поневолѣ приходится при познаніи фактическаго прибѣгать къ онтологическому и суммарному реализму. И изъ этой своей слабости онъ сумѣлъ сдѣлать

познавательное орудіе даже значительной силы, которымъ онъ можетъ гордиться.

Таково положеніе реализма въ соціальномъ познаніи фактовъ, эмпирической дѣйствительности. Гораздо значительнѣе его участіе въ тѣхъ случаяхъ, когда соціальное познаніе носитъ характеръ познанія моральнаго, какъ это имѣетъ мѣсто въ этикѣ и правовѣдѣніи. Если вдуматься въ гносеологію моральнаго познанія, то мы замѣтимъ, что во всѣхъ случаяхъ оно основывается на двухъ предположеніяхъ. Во-первыхъ, на убѣжденіи въ существованіи свободной человѣческой воли и, во-вторыхъ, на убѣжденіи въ объективномъ существованіи деонтологическихъ нормъ, дающихъ критерій правильности или неправильности актовъ этой воли и сообразно съ этимъ квалифицирующихъ эти акты какъ добрые или злые, какъ правомѣрные или неправомѣрные. Безъ этихъ двухъ предположеній не можетъ быть никакихъ моральныхъ сужденій. Если нѣтъ свободной воли, то нѣтъ этическаго детерминизма человѣческихъ поступковъ; есть только детерминизмъ фактическій. И если нѣтъ объективныхъ моральныхъ критеріевъ, то, значитъ, нѣтъ различія добра и зла, есть только совершенно равноцѣнная масса человѣческихъ поступковъ, которые въ своей фактичности являются морально совершенно безразличными, совершенно ἀδιάφορα. И вотъ, если вдуматься въ эти два предположенія, то мы легко замѣтимъ ихъ чистѣйшій реализмъ. Чистый номинализмъ не признаетъ и не можетъ признать ихъ. Для него существуютъ только отдѣльные экземпляры рода человѣческаго, различно поступающіе въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ строго индивидуальныхъ и особенныхъ причинъ. Обобщая всѣ случаи сходнаго поведенія людей и тѣ субъективныя оцѣнки, которыя даются этимъ случаямъ, можно получить понятіе нормальнаго поведенія. Но оно будетъ нормальнымъ только въ смыслѣ среднестатистическаго, вродѣ нормальнаго роста или вѣса человѣка. Такимъ же путемъ можно получить и идею добра. Но это будетъ идея только суммирующая, относительная, эволюціонная, которая не должна, да и не можетъ притязать на универсальность ante res, на онтологическое и деонтологическое самодовлѣніе. И сообразно съ этимъ мораль номиналистическаго типа — это собственно не мораль, а или психологія, или исторія, или описательная соціологія или даже, можетъ быть, физіологія особаго класса болѣе или менѣе сходныхъ явленій человѣческой жизни, именуемыхъ для удобства обозрѣнія условнымъ терминомъ моральныхъ. Номиналистическая этика не предписываетъ, а описываетъ, не судитъ, а констатируетъ. И посему она, въ сущности, къ добру и злу постыдно равнодушна. Настоящіе

моралисты и настоящая этика всегда реалистичны и притомъ не онтологическимъ реализмомъ факторовъ, а деонтологическимъ реализмомъ принциповъ. Для нихъ добро существуетъ, и существуетъ само по себѣ, обладаетъ объективною дѣйствительностью. Для нихъ нормы должнаго являются не эмпирическими обобщеніями того, что иногда бываетъ, или того, что только считается должнымъ, а объективнымъ источникомъ нравственной, деонтологической закономѣрности. Равнымъ образомъ и настоящимъ субъектомъ моральнаго поведенія для нихъ является не эмпирическій, фактическій, феноменальный человѣкъ, подчиненный законамъ физики и психики, а умопостигаемый, ноуменальный, трансцендентальный человѣкъ, подчиненный законамъ этики. И моральная воля человѣка понимается какъ нѣчто отличное отъ его эмпирической психологической воли. Первая подлежитъ суду съ точки зрѣнія деонтологической нормы, вторая подлежитъ объясненію съ точки зрѣнія естественной закономѣрности всего происходящаго фактически. Словомъ, мысль моралиста непремѣнно должна выходить за предѣлы феноменальной, фактической дѣйствительности и вступить въ міръ особой метафизической дѣйствительности. И сообразно съ этимъ каждый моральный фактъ — это не просто эмпирическій фактъ, а эмпирическій фактъ съ особымъ метафизическимъ придаткомъ.

Подобнымъ же образомъ и юридическое познаніе, представляющее въ сущности, не болѣе какъ разновидность познанія моральнаго, не можетъ не быть тоже реалистическимъ въ метафизическомъ смыслѣ этого слова. И Кантъ былъ правъ, уподобляя чисто эмпирическое правовѣдѣніе деревянной головѣ (въ баснѣ Федра), которая можетъ быть и прекрасною, но которой недостаетъ мозга. Юридическій фактъ, юридическое явленіе — это не просто эмпирическій фактъ, эмпирическое явленіе. Это фактъ или явленіе, соотвѣтствующее или не соотвѣтствующее объективной нормѣ. И юридическая дѣйствительность этихъ фактовъ и явленій, вродѣ, напримѣръ, дѣйствительности гражданскихъ сдѣлокъ, опредѣляется вовсе не тѣмъ, имѣли ли онѣ только мѣсто фактически, а тѣмъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ объективному праву. Равнымъ образомъ совершенство нормъ дѣйствительнаго или дѣйствующаго объективнаго права опредѣляется тѣмъ, что акты и факты, имъ не соотвѣтствующіе, считаются недѣйствительными, аннулируются, уничтожаются, да еще иногда и съ карательными послѣдствіями. Таковы такъ наз. въ первомъ случаѣ leges perfectae, а во второмъ случаѣ leges plus quam perfectae. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда фактически неосуществима недѣйствительность нарушающихъ нормъ дѣяній, эти

нормы именуются уже болѣе или менѣе несовершенными (leges imperfectae, leges minus quam perfectae). Совокупность юридическихъ нормъ образуетъ такъ наз. дѣйствующее право. И вотъ дѣйствительность этого дѣйствующаго права имѣетъ для правовѣдѣнія, какъ такового, не номиналистическій смыслъ звукового обозначенія суммы правовыхъ явленій, фактическихъ отношеній или субъективныхъ эмоцій. Это дѣйствительность реалистическая. И, въ сознаніи этого, иные юристы безъ должнаго философскаго воспитанія, вродѣ Іеринга, не умѣя опредѣлить гносеологическую природу реальности права, уподоблялись стоикамъ съ ихъ вѣрою въ вещество добра и добродѣтели, и грубо матеріалистически учили о какихъ-то юридическихъ тѣлахъ съ особою анатоміею и физіологіею [1]). Если обратиться къ той юридической волѣ, которая проявляется какъ въ гражданскихъ актахъ, такъ и въ уголовныхъ преступленіяхъ, то она опять-таки разсматривается юристами какъ своего рода трансцендентальная, метафизическая воля. Для нея необходимъ цѣлый рядъ фактическихъ условій, какъ физическихъ, такъ и психическихъ (возрастъ, полъ, вмѣняемость и т. д.). Но для юриста все это только условія воли, а никакъ не ея причины. И сообразно съ этимъ юридическая воля не сливается съ волею психологическою и не выводится изъ нея. Она разсматривается какъ особая метафизическая реальность, подобно той личности, которою надѣляется каждый правоспособный субъектъ, которая является какъ бы метафизическою маскою, личиною, надѣваемою на эмпирическаго, феноменальнаго человѣка, и превращаетъ его въ метафизическое, ноуменальное лицо.

Такимъ образомъ юридическая мысль по существу своихъ задачъ и своей методологіи не можетъ не быть реалистическою въ смыслѣ надстройки надъ эмпирическою феноменологіею не номиналистическихъ обобщеній, взятыхъ изъ матеріала этой же самой феноменологіи, а особыхъ метафизическихъ реальностей, которыя для нея не только сами дѣйствительны, но и являются источникомъ дѣйствительности всего юридически фактическаго. Сообразно съ этимъ такія понятія, какъ лицо, право, законъ, законодатель, государство, власть или воля и т. д. имѣютъ характеръ юридическихъ универсалій, реальныхъ ante res. Все это, можетъ быть, и фикціи. Но безъ вѣры въ эти фикціи и безъ работы надъ ихъ дѣйствительною реализаціею немыслимо никакое культурное общежитіе. Оно немыслимо безъ признанія особой принципіальной дѣйствительности, что равнозначно признанію дѣйствительности принциповъ.

[1]) Другіе примѣры см. на стр. 247 статьи Б. А. Кистяковскаго «Реальность объективнаго права» («Логосъ», 1910, кн. 2).

Такимъ образомъ мы видимъ, что споръ между номинализмомъ и реализмомъ имѣетъ обширное примѣненіе также и въ обществовѣдѣніи. И это обстоятельство представляетъ интересъ не только съ точки зрѣнія психологіи науки, ея генезиса, изслѣдованія того, какъ дѣлается наука. Оно вызываетъ также цѣлый рядъ принципіальныхъ вопросовъ. И можно сказать вмѣстѣ съ латинскимъ переводчикомъ Порфирія: altissimum enim negotium est hujusmodi et majoris egens inquisitionis.

Е. Спекторскій.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Юридическій Вѣстникъ» 1915 г., кн. IX (I).

Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, Москва, Воздвиж., Крестовоз. п., д. Лисснера.